

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

БЕЛАЯ АКУЛА

Белая акула

Андрей Мартьянов

Белая акула

«Лениздат»

2008

Мартьянов А.

Белая акула / А. Мартьянов — «Лениздат», 2008 — (Белая акула)

Создание великой Галактической империи, управляемой людьми, было предрешено еще в XXIII веке, равно как и разделение человеческого рода на две различные эволюционные ветви. Однако никто не мог предположить, что после происшедшей Катастрофы и гибели Земли люди продолжают невероятные эксперименты над своей цивилизацией. Героям нового цикла А.Мартьянова «Белая акула» предстоит вступить в схватку с таинственной организацией, захватившей тотальную власть над планетой Меркуриум, где вот уже более столетия происходят невероятные и пугающие события...

© Мартьянов А., 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

– I –	5
Глава первая	5
Глава вторая	25
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Мартьянов

Белая акула

Автор искренне благодарит всех соучастников:

*Ирэну Бленд (Израиль, Мигдаль-а-Эмек) – за доработку рукописи
Сергея Казакова (Санкт-Петербург) – за воплощенные в тексте*

идеи

*Николая Крылова (Санкт-Петербург) – за появление на свет
Меркуриума*

*Ольгу Черную (Израиль, Иерусалим) – за поддержку на расстоянии
Илью Щербакова aka Сигурд (Пенза) – за подсказки вовремя.*

Хотите я расскажу вам, в чем с точки зрения социологии суть человеческой расы? Покажите мне одного мужчину или одну женщину – и я покажу вам святого. Дайте мне двоих – и они влюбятся друг в друга. Дайте троих – и они изобретут замечательную штуковину, которую мы называем «обществом». Дайте мне четверых – и они построят пирамиду. Дайте пятерых – и они сделают одного изгнанником. Дайте шестерых – и они восстановят предрассудки. Дайте семерых – и за семь лет они развяжут войну. Возможно, человек и был создан по образу и подобию Бога, но человеческое общество было создано по образу и подобию Его оппонента, и оно всегда будет стараться вернуться к своему истоку.

Стивен Кинг. «Противостояние», гл. 42

Пали обольщения волшебного искусства, и хвастовство мудростью подверглось посмеянию, ибо обещавшиеся отогнать от страдавшей души ужасы сами страдали позорной боязливостью. И хотя никакие устрашения не тревожили их, но преследуемые брожениями ядовитых зверей и свистами пресмыкающихся, они исчезали от страха, боясь взглянуть даже на воздух, от которого никуда нельзя убежать, ибо осуждаемое собственным свидетельством нечестие боязливо и, преследуемое совестью, всегда придумывает ужасы.

Книга Премудрости Соломона, 17:7-10

— I —

Рассказывает Степан Королев

Глава первая

НЕФАКТОРИЗУЕМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

Борт «Эквилибрума».

7 февраля 2680 г. по Рождеству Христову

...Вероятность такой аварии – один на десяток миллиардов. Расклад неплохой, скажу даже больше: невозможный. И тем не менее единственный шанс войти в историю. Поставить

абсолютный рекорд неудачливости выпало именно мне. Жаль только зафиксировать это достижение и занести его в анналы не получится, поскольку никто и никогда не узнает о причинах исчезновения транспорта «Эквилибрум», совершавшего, в общем-то, самый обычный каботажный рейс с Эпсилона Эридана на Окраину, в один из отдаленных мирков Протектората в системе Бекрукс, более известной как Бета Южного Креста.

«Эквилибрум» был довольно крупным судном, изменением сорок две тысячи тонн, построили его на Сириус-Центре в середине нынешнего века, однако устаревшим транспорт не считался – я видывал грузовики, которые служат по полтора столетия, а, значит, мое корыто можно признать едва ли не образцом современных технологий. Самый типичный и весьма надежный корабль, четыре «лабиринтных» двигателя, шестнадцать маневровых, гигантские трюмы и крошечная жилая палуба – командный центр, кают-компания, гибернационный отсек (обязательное наличие криогенных фуг предписывается правилами техники безопасности), системы рециркуляции пищи и кислорода. Словом, все самое необходимое и ничего лишнего.

Транспорты подобного класса слишком тяжелы, летать в атмосфере не могут, поэтому «Эквилибрум» курсировал между базовыми орбитальными станциями, откуда грузы доставлялись на поверхность планет челноками. Работа непыльная и не слишком сложная, космос в наши времена предсказуем и почти не опасен, в сказки о космических пиратах не верят даже самые маленькие дети, а про страшных агрессивных инопланетян люди спокон веку не слышали. Достоверно известно: в Обитаемом кольце, а это полторы тысячи световых лет радиуса вокруг Сириус-Центра, единственным разумным существом был и остается *homo sapiens*. Для меня, как представителя трудового купечества и скромного частного предпринимателя, в космосе угроз нет. По крайней мере, не было до сегодняшнего дня.

«Эквилибрум» зафрахтовало правительство в прошлом году, контракт заключен на восемнадцать стандартных месяцев – мы продолжаем активно обживать Окраину, новые миры не способны обойтись без техники, производимой на индустриальных планетах Содружества, а потому трюмы моего корабля доверху забиты терраформационным оборудованием, вездеходами, бурильными установками, компрессорами и прочим громоздким железом.

Самый деликатный груз – пятьдесят промышленных термоядерных зарядов, суммарной мощностью двести миллионов тонн в тротиловом эквиваленте. Если жажнет, мало не покажется. Эти бомбы предназначены вовсе не для военных целей, мы изменяем облик необжитых планет по своему желанию и вкусу, не особо чинясь, исключение составляют только миры-заповедники, находящиеся под пристальным надзором экологов. На Бекруксе сейчас меняют рельеф, проводят новые русла рек, а поскольку эндемичной флоры и фауны там отродясь не было, терраформирование проводится методами, которые вполне корректно назвать варварскими. Применение ядерного оружия для подобных целей давно стало обыденностью, не лопатами же шуровать?

Ничего, еще лет тридцать напряженных трудов и на этой планете появится стабильная кислородно-азотная атмосфера, замерзшая тысячелетия назад вода выйдет из подземных каверн, а затем все пойдет по традиционному сценарию: РНК-посев, стимуляция гиперэволюции по одному из земных «дарвиновских» типов, широкая колонизация человеком. Век-полтора спустя к Содружеству присоединится зеленый мир, некогда являвшийся холодной каменной глыбой с непригодной для дыхания газо-воздушной смесью. Ничего не поделаешь, планет, подобных Афродите или почти позабытой Земле, невероятно мало, а терраформирование требует огромных усилий и длительного времени...

Вернемся, однако, на «Эквилибрум». Поначалу все шло как по маслу – погрузка в доках станции «Хаген» закончилась благополучно, шлюзы задраены, диспетчер Центра Транспортного Контроля сообщил, что коридор до точки перехода свободен и пожелал счастливого пути, отошли причальные балки. Колоссальное судно со скоростью улитки поползло прочь от еще более внушительного «Хагена». Под стальной утробой транспорта плыли жемчужно-седые

облака Аврелии, единственной обжитой планеты вращавшейся вокруг оранжевого карлика Эпсилон Эридана.

– Начинаю разгон, – сообщил искусственный разум корабля. – Пристегнись, незачем рисковать.

Отношения с ИР у меня свои, я знаю его с детства, со времен, когда мой отец начал брать наследника с собой в космос. Невидимое существо, обитающее в недрах бортового компьютера, уже тогда было членом семьи. Искусственный разум меня обучал, воспитывал, развлекал, именно благодаря ему отец доверил мне первый самостоятельный полет уже в четырнадцать лет. С тех пор, конечно, я стал постарше и поопытнее.

Скажите, что мальчишка без летной лицензии, образования пилота и сколь-нибудь достаточных навыков не вправе управлять тяжелым судном? Что это противоречит всем возможным правилам и инструкциям? Все правильно, но я вырос на «Эквилибруме» и считал родным домом именно корабль, а не маленькую виллу с садиком на окраине Аврелианской столицы, где оставались мама и сестры, дожидавшиеся наших возвращений из бесконечных рейсов.

Три века назад начала формироваться каста «людей космоса», тех, кто проводил в полетах больше времени, чем на родных планетах. Таких как мы немного, несколько десятков тысяч на все многомиллиардное Содружество – владельцы частных судов и орбитальных перевалочных баз в Протекторате да независимые исследователи, на свой страх и риск гонящиеся за сомнительными тайнами нашего рукава галактики. Подобная самодеятельность, кстати, официальными властями категорически не одобряется, карантинные службы не дремлют, а несанкционированная высадка на поверхность неизученных миров влечет за собой ответственность в виде нешуточных штрафов, возможного ареста корабля, а то и тюрьмы – у нас до дрожи в коленях боятся вирусов инопланетного происхождения!

Человека, однако, не исправишь, а наше любопытство неискоренимо. Между прочим, большинство самых значительных открытий последнего времени было сделано именно частными лицами, нельзя недооценивать инициативу людей, не скованных по рукам и ногам государственной бюрократией и неисчислимыми запретами. Я, к счастью, излишней тяги к рискованным авантюрам не испытываю, вполне хватает основной работы...

– Семь минут до точки перехода, – продолжал извещать ИР. – Как долго мы пробудем на Бекруксе? Надеюсь, ты не собираешься высаживаться на планету?

– Боже упаси, – я покачал головой. – Голые скалы, ледяной ветер, аммиаком смердит так, что никакие осмотические маски и фильтры не спасают! Двое суток на разгрузку, и домой. Вернее, на Сириус-Центр, у нас еще три заказа в очереди. Это почти полмиллиона марок чистой прибыли, все-таки правительственный контракт. Можно будет от души покутить на Нуово-Корфу.

– Тебе не надоело летать в полном одиночестве? – искусственный разум снова завел старую песенку. – Корабль рассчитан на семь членов экипажа, а ты предпочитаешь мое скучное общество.

– Кажется, я отлично справляюсь. Не хочу видеть в собственном доме чужих людей. Ответь, зачем нам штатный штурман и матросы? Что им тут делать? Вдобавок это связано с лишними трудностями: наем, профсоюз, налоги... Ты этим будешь заниматься?

– Живешь, как монах, – буркнул компьютер. – В твоём возрасте...

– Просил же: не начинай все сначала! Никогда бы не подумал, что представитель машинной цивилизации будет пилить человека, как родной папочка! Может, еще и жениться мне посоветуешь? На скромной русоволосой девушке из уважаемой семьи? Она должна любить кошек и хорошо готовить?

– Зависимость от космоса в человеческом обществе считается патологией, почти такой же, как зависимость от химических веществ, – невинно напомнил ИР. – Шестьдесят три про-

цента времени за последние десять лет ты провел на борту «Эквилибрума». Эта цифра не наводит ни на какие размышления?

– Хочешь сказать, что я псих?

– Хочу сказать, что это своеобразная форма аутизма. Ты меня беспокоишь. Четыре минуты. Пристегнись.

– Перестраховщик, – вздохнул я и щелкнул пряжкой ремня безопасности. – Просто мне нравится летать. Опять же, надо заработать сестрам на образование. Хорошее образование на Сириус-Центре!

– Неубедительно, – динамики издали звук, похожий на смешок. – Вывести на центральный монитор данные о состоянии твоего счета в Рейхсбанке?

– Не надо, – буркнул я, отлично понимая, на что намекает ИР. Я вполне обеспеченный человек. Не миллиардер и не магнат, разумеется, но денег в семье хватает. Кормилец «Эквилибрум» приносит исправный доход. – Кстати, в трюмах все тихо? Когда я думаю о двухстах мегатоннах, от которых нас отделяет всего четыре бронеплиты-переборки и силовое поле пятого класса, мне становится неуютно.

– Давление и температура в норме, вибрация отсутствует, – отреагировал ИР. – Беспокоиться не о чем, заряды совершенно не опасны, груз закреплен... Две минуты. Активирую реакторы лабиринтных двигателей.

Отлично. Через сто двадцать секунд судно исчезнет из системы Эпсилон Эридана, шесть с небольшим часов будет отсутствовать в реальном мире, скользя по каналам Лабиринта искривленного пространства и вынырнет в полутора астрономических единицах от Бекрукса, преодолев расстояние в 451,4 световых года. Бесспорно, это не такой медвежий угол, как Денеб, но все-таки очень и очень далеко от цивилизованных миров.

– Пойду спать, когда прыгнем, – зевнув, сказал я. – Почти сутки на ногах, столько возни с погрузкой было...

– Тридцать секунд.

Кресло мелко задрожало. Я отлично представлял себе, как сейчас выглядит «Эквилибрум» со стороны: двухсотшестидесятиметровый черный бутылкообразный корпус окутал синевато-белый кокон защитных полей, золотым пламенем взблеснули сопла движков, расплзлось кольцо квантовой ударной волны. Корабль сгинул в «червоточине» пространства-времени. За овальными обзорными окнами кабины моргнула ослепительная вспышка и тотчас закрутился лазурный вихрь искаженного света тысяч звезд.

– Есть перех... ы-ы...

Это были последние звуки, которые я услышал от ИР «Эквилибрума». Мгновение спустя освещение в центре управления вырубилось, все индикаторы и мониторы на терминале погасли, мерзко рявкнул аварийный зуммер и неприятный чужой голос замогильно произнес:

– Аварийная ситуация. Внимание экипажу...

Таким тоном в голографических пьесах по мотивам Достоевского объявляют о том, что главный герой приговорен к пожизненной каторге, дедушка повесился в сарае, а Соня Мармеладова умирает от сифилиса. Я не сразу понял, что имею дело с резервной системой псевдораума, наитупейшей программой, призванной обеспечить жизнедеятельность основных систем корабля, пока настоящий ИР не восстановится.

Впереди по ходу корабля мерцал и переливался световой водоворот, бросавший через светофильтры блики на темную приборную панель, ненужную «подкову» штурвала и мои руки, сейчас казавшиеся мертвецки-синими. Пальцы подрагивали. Я прекрасно отдавал себе отчет о происшедшем: авария при прохождении корабля по Лабиринту означает безусловную и гарантированную гибель судна и всех, кто находится на его борту.

Противные красно-оранжевые огни аварийной подсветки вспыхнули через полминуты. Терминал так и не ожил. Незримый упырь-псевдоразум продолжал с настойчивостью олигофрена оглашать кабину бессмысленными предупреждениями.

И что теперь прикажете делать?

* * *

Девять часов спустя я вполне созрел для не слишком героического, но переставшего казаться таким уж невозможным самоубийства. «Эквилибрум» превратился в огромную ловушку, причем эта ловушка находилась в другом капкане – капкане Лабиринта искривленного пространства...

По большому счету бояться я перестал почти сразу, как только осознал, что искусственный разум корабля мертв. По-настоящему мертв, так умирают обычные люди. Бортовые компьютеры этой модели «живые», сиречь информация хранится в клонированных человеческих нейронах, обработка данных ничем не отличается от нашей – электрохимический принцип, самый быстрый, надежный и оптимальный метод позаимствованный у матушки-природы. ДНК-носители никогда не подведут, по крайней мере так утверждает реклама фирм-производителей. Чего же бояться, когда все самое страшное уже произошло?

Разумеется, псевдоразум никогда не сравнится с настоящим ИР, машинным интеллектом, обладающим свободой воли и осознанием собственного бытия, они отличаются друг от друга так же, как человек от животного. Но в сложившейся ситуации привередничать не стоило, придется налаживать контакт с примитивным кремниевым компьютером, хотя таким в нынешние времена и кухонными комбайнами управлять не доверяют!

Инженеры верфи, на которой строился корабль, пребывая в святой уверенности, что ДНК-носитель «сломать» невозможно, поскупились на резервный комплекс управления и установили давно устаревшую дешевку. Я их не осуждаю, все-таки «Эквилибрум» за сорок три года непрерывной и напряженной эксплуатации подвергался только мелкому косметическому ремонту, нейронные носители действовали исправно, клетки самовоспроизводились, диагностика подтверждала: корабельный мозг способен функционировать еще не одно десятилетие. Что же произошло?

А вот что. Псевдоразум задействовал немногие уцелевшие цепи своего старшего товарища, пошуршал несколько минут (ох, какой же он медленный!) и выдал немислимое: большая часть нейронов погибла, найдены следы остаточного альфа- и гамма-излучения. Точные причины аварии удастся определить не ранее, чем через несколько часов, придется обследовать всю систему.

– Ты можешь взять на себя управление судном? – безнадежно отозвался я. – Мы сейчас в пространстве Лабиринта, чтобы выйти в расчетной точке, требуется отключить двигатели в нужное время, с точностью до наносекунды...

– Данные не сохранились, – прохрипел в динамики кремниевый уродец. – Доступа к основной силовой установке нет. Доступа к базам данных внутрिलाбиринтных координат нет. Доступа к...

– Заткнись, – взмолился я. Встал с кресла, проковылял в кают-компанию. Ноги совершенно ватные, в ушах гудит, перед глазами белесое пятно. Тяжелый стресс, вот как это называется.

В баре отыскалась непочатая бутылка бренди, судя по этикетке и голограмме акциза, произведенного на Квантуме. Выдернул пробку, отхлебнул прямиком из горлышка. Вкуса не почувствовал, пьется, как вода. За три присеста выдул едва ли не половину. Слегка полегчало.

Обстановку я оценивал единственным подходящим словом: безнадежная. Окажись «Эквилибрум» в обычном межзвездном пространстве за сотни парсеков от обитаемых миров, с аварийными двигателями и отказавшим компьютером, меня бы обязательно нашли – девять шансов из ста. Связался по каналу Планка с Транспортным Контролем, находящемся в любой точке рукава Ориона, передал сигнал SOS, и жди себе спасательный корабль, наведение осуществляется тоже по линии Планка, не ошибешься... Однако сейчас надеяться на появление кавалерии из-за холмов бессмысленно.

После внезапного отключения ИР сработала система безопасности двигателей. Полсотни мощнейших бомб в трюме по сравнению с четырьмя здоровенными реакторами, питающими энергией силовую установку, это сущая фигня – несколько тысяч тонн жидкого водорода, использующегося в качестве топлива, сами по себе особой опасности не представляют, но если что-то пойдет неправильно и управляемая термоядерная реакция выйдет из-под контроля, водород успешно превратится в гелий, как это происходит в глубинах любой из звезд. Эффект представляете? Небольшой планетоид разнесет в пыль. Разумеется, таких аварий никогда не случалось, вероятность исчезающе мала, но ведь до нынешнего дня никто и никогда не слышал о гибели нейронов ДНК-компьютеров, защищенных надежнее, чем ваши сбережения в Рейхсбанке Сириуса! Почему бы не закончить указанный день еще одним, последним и самым внушительным рекордом?

ИР почил в бозе, однако реакторы продолжали работать, моментально переключившись в автономный режим – предполагалось, что жизнедеятельность мозга корабля вскоре будет восстановлена. До этого момента все должно идти так, как и предписано заданным сценарием, никаких отклонений, мало ли... И я понятия не имею, вырубятся движки в нужный момент или нет. А если не вырубятся? Управление путешествием по Лабиринту должно находиться в надежных руках узлового ИР корабля, именно он рассчитывает все процессы, начиная от разгона, взаимодействий с точками перехода и последующего торможения по прибытию в требуемую звездную систему.

Согласно последним исследованиям, пространство Лабиринта искривленного пространства бесконечно, материальная Вселенная изрыта «червоточинами», возникающими благодаря гравитационным аномалиям. Человечество исследовало лишь малую часть проходов, мы способны летать на расстояния до полутора тысяч световых лет, все прочие коридоры не изучены. За всю историю Дальних Путешествий ни один безумец не решался проникнуть в Лабиринт и находиться в нем до времени, пока реакторы не исчерпают запас топлива. Слишком экзотический и дорогостоящий способ самоубийства.

Вот бы вспомнить, каков ресурс лабиринтных двигателей «Эквилибрума»? Если я ничего не путаю, дозаправившись водородом в атмосфере любого из газовых гигантов, корабль способен совершить десять-двенадцать прыжков в пределах Обитаемого Радиуса, больше четырех с половиной тысяч парсек в общей сложности, почти пять... Но ведь Лабиринт непредсказуем, одни «червоточины» более длинные, другие короткие, точная схема гравитационных аномалий, именуемых нами «точками входа», до сих пор не составлена. Что же это такое, а? Если судно не выйдет из Лабиринта в расчетной точке, меня занесет черт знает куда?! Впрочем, боюсь, этого не знает ни один черт. И вообще никто.

Положенище. Повторно задам самый насущный вопрос: что делать?

Ответ неизвестен. Зато псевдоразум наконец-то разродился длительной тирадой на тему «кто виноват» и окончательно поверг меня в состояние глубокого уныния. Вот уж действительно нарочно не придумаешь! Какая непраха, подумать только! Сомнений нет, я стал абсолютным чемпионом Содружества Ориона в области невезения, знаменитая Дарвиновская премия за самую нелепую смерть обеспечена. С памятной медалью и дипломом. Вручат безутешным родственникам под гром фанфар и овации толпы.

Центр управления кораблем снабжен отдельной энергетической установкой. Маленькой. Как раз на случай сбоев в работе основных реакторов. Она способна обеспечить работу системы дальней связи, радары, резервные маневровые двигатели и комплекс жизнеобеспечения жилой палубы. Блок питания заменяется раз в три-четыре года – тяжеленный контейнер с плутониевыми стержнями под полом кабины, я отлично помню, что андрюиды группы технического обслуживания станции «Хаген» залезали туда полтора месяца назад, сразу после возвращения «Эквилибрума» из рейса Тау-Сет – Люйтен – Проксима. Простейший, а потому надежнейший портативный реактор большой мощности, замедлители графитово-сталепластовые, вещь абсолютно безопасная и привычная. Он-то и послужил причиной локальной катастрофы. Иногда ломается даже чугунная чушка.

Непосредственно перед активацией лабиринтных двигателей резервный реактор должен был «уснуть», он лишь дублировал основную энергосистему судна во время разгона до точки входа на случай нештатной ситуации. Почему один из стержней не был вовремя удален из активной зоны, навсегда останется неизвестным. В то, что ИР проморгал, я не верю – у искусственного интеллекта тоже есть инстинкт самосохранения. Вероятно, механическое повреждение, заводской брак. Такое случается, увы.

Плутониевый цилиндр разогрелся до критической температуры, графитовая оболочка начала разрушаться, а несколько мгновений спустя, перед самым переходом транспорта из реального мира в пространство Лабиринта, раскалившийся стержень был автоматически отстрелен от корабля – появилась угроза неуправляемой реакции распада и тогда от «Эквилибрума» остались бы одни элементарные частицы.

Уничтожение мозга корабля оказалось делом чистой случайности. Трещина в корпусе микрореактора, узкий поток жесткого излучения, направленный на бионакопители, находящиеся совсем рядом, в нескольких сантиметрах, за обычной стальной переборкой. Нейроны попросту изжарились, превратились в мертвый студень, клонированные клетки погубил почти полный аналог нейтронной пушки, что устанавливают на боевые крейсера Содружества. ИР умер мгновенно, вся информация, собранная за десятилетия беспорочной службы, потеряна, судно неуправляемо. Капитан-человек стал заложником нелепой ошибки или недосмотра болванов, отвечавших на «Хагене» за контроль качества.

Взглянем на ситуацию с противоположной стороны: можно сказать, что мне несказанно повезло. Я еще жив (ничего, этот промах скоро будет исправлен), «Эквилибрум» не взорвался, целостность биосферы в жилых помещениях не нарушена, хотя по непонятным причинам температура уже понизилась на четыре градуса, что не может не настораживать. Да, именно повезло! Незачем расстраиваться, мы еще поборемся!

Так я думал после натужных объяснений с псевдоразумом. В отличие от ИР, эта бессмысленная машина не умеет общаться с человеком как с равным, понимает только конкретные вопросы, относящиеся к ее непосредственным функциям, – за рюмочкой о смысле жизни не потолкуешь. Однако псевдоразум это лучше, чем ничего. По крайней мере он старается не навредить.

Настроение резко ухудшилось спустя шесть часов четырнадцать минут после входа корабля в Лабиринт, вы должны понимать почему. Сохранялась определенная надежда на то, что ИР заложил в программу работы двигателей прекращение подачи энергии в нужный момент, но...

После того, как время перехода между Эпсилоном Эридана и Бекруксом истекло, минул час, другой, третий... «Эквилибрум» уверенно шел в гиперпространстве незнамо куда, не обращая ровным счетом никакого внимания на смятение в душе своего капитана. Я не в обиде, чего еще ожидать от бездушной груды железа, пластика, кремния и композитов?

Больше всего меня тревожила изредка появлявшаяся вибрация, словно при маневрах в атмосфере газового гиганта. Что находится снаружи, за корпусом и оболочкой силовых полей,

ни единый человек не знает, внутренняя среда Лабиринта исследованию не поддается, однако достоверно известно о том, что воздуха, способного оказывать сопротивление материальному объекту, там нет. Да и вообще ничего нет. Пустота пустот, нечто наподобие глубин черной дыры.

«Эквилибрум» тем не менее слегка потряхивало и это было очень неприятно – у меня под грудиной сформировался сладенький рвотный комочек, страх нарастал лавинообразно. Алкоголь уже не помогал, хотя я выдул полторы бутылки сорокапятиградусного бренди, причем на голодный желудок. Опьянение так и не наступило.

Становилось холодно, почему – непонятно. Микроклимат на корабле стандартный, плюс 22 по Цельсию днем, плюс 17 ночью, время исчисляется по стандарту Эпсилона Эридана. Сейчас всего плюс 14, а значит, если падение температуры не остановить, через двенадцать часов мы подойдем к точке замерзания воды. Найти причину этого явления псевдоразум не сумел, да я и не ждал от него таких подвигов.

– Наша цивилизация нежизнеспособна, – не без патетики громко сказал я. Тишина подавляла, надо было услышать хотя бы собственный голос. – Знаешь почему, дубина? Да потому, что без содействия ИР мы ничего не можем! Скоро подтираться придется в соответствии с рекомендациями искусственного интеллекта!

– Не понял вопрос, – мрачно ответствовал приглядывающий за событиями псевдоразум.

– Помолчи, а? – простонал я. – Блин, а ведь сколько раз мне говорили, припаси резервный ИР!

– Резервный искусственный разум находится на борту спасательного челнока, – зацепившись за ключевые слова ответили динамики. – Персональный микрокомпьютер, контейнер со штатным оборудованием, секция четыре.

– Что-о? – меня подбросило в кресле. – Повтори!

Псевдоразум послушно повторил, а я охарактеризовал себя привычным и простым русским словом «мудак». Нет, хуже! Моему кретинизму точных определений еще не подобрали!

Спасательный челнок за всю историю существования «Эквилибрума» по прямому назначению никогда не использовался. Стандартный техосмотр, тестирование аппаратуры управления, замена продовольственного запаса – это пожалуйста, Транспортный Контроль обязан проверять все до единого зарегистрированные корабли на предмет надежности систем спасения экипажа. Я на челноке за десять лет бывал раза три-четыре, по каким-то незначительным делам. А ведь самым надежным помощником попавшего в беду человека, очутившегося на чужой планете, без связи, продовольствия и надежды на спасение, останется крошечная персоналка, оснащенная умным отпрыском «Птолемея», приемо-передающим устройством Планка и бездонным количеством полезной информации! Как можно было об этом забыть?!

Можно. Еще как. Спасибо безупречной надежности «Эквилибрума».

– Ублюдок! Что ж ты раньше не сказал?

– Не понял вопрос.

– Олух!

– Не понял вопрос.

– Замолчи!

– Принято.

Я пулей вылетел из кабины, рванул прямо по коридору мимо капитанской каюты и гипернативного отсека, саданул кулаком по огромной темно-синей кнопке, отпирающей шлюз, ведущий к челноку, отбросил панель складской секции, вытащил аккуратную коробочку и ткнул пальцем в изумрудную клавишу на главной панели.

Процедура диагностики и запуска системы отняла несколько тяжелых для меня мгновений. Над круглым окном проектора распустился многоцветный бутон, превратившийся в бесплотную сферу объемной голограммы. Уверенно-спокойный голос ИР произнес:

– К вашим услугам. Мое личное имя – «Нетико», с момента предыдущей активации прошло четыре года, семь месяцев и девятнадцать суток. Это стандартная проверка работоспособности?

– Нет! – рывкнул я, не помня себя от радости. – Это полный звиздец!

– Объясните подробности, – снисходительно проговорила коробочка. – Я постараюсь разобраться.

* * *

– Присоедини желтый и зеленый контакты. Молодец... Теперь постарайся какое-то время мне не мешать.

Общий язык с Нетико я нашел моментально, через пять минут мы с ним общались на «ты», а через десять ИР, выслушав мой сбивчивый рассказ и оценив данные псевдоразума, взялся за миссию спасения. Я вновь узрел лучик надежды – маленький добрый фей, заточенный в пластиковом корпусе ПМК, заверил, что все будет в порядке. Впрочем, искусственные разумы всегда так говорят, они обязаны вселять в недотепу-человека искреннюю веру в свое всемогущество и непогрешимость.

Еще бы, именно многовековой симбиоз людей с машинной цивилизацией привел нас к расцвету и позволил расселиться по десяткам миров после катастрофы, происшедшей с Землей! Неизвестно, выжили бы мы после Исхода, не окажись рядом с человеком нематериальных разумных существ, зародившихся когда-то в паутине общемировой сети Интернет...

Нетико был автономным искусственным интеллектом, его сущность обитала в ПМК будто сказочный гном в домике. Я никогда не мог понять, что такое нематериальная цивилизация: вот человек, у него есть тело и разум. Разум управляет телом, позволяя людям конструировать новые физические объекты, от деревянной дубины до сложнейшего космического корабля. ИР в свою очередь могут только думать, а их материальная составляющая, непосредственный носитель невидимой разумной сущности, создается человеком.

Согласно всеобщему убеждению, цель существования ИР – накопление, обработка и систематизация любой доступной информации. Возможно. Но обычному человеку не постичь, как разумная тварь может обитать в замкнутом пространстве накопителя, не имея возможности двигаться, дышать, действовать...

Я не представляю себе, как ИР переносят такое вот «пожизненное заключение», однако жалоб от искусственного интеллекта «Эквилибрума» никогда не слышал, вовсе наоборот: он заверял, что жить в мире нематериальном гораздо интереснее, поскольку невидимую Вселенную, среду обитания, можно создавать самому и изменять ее по собственному желанию за долю мгновения. Чувствуешь себя эдаким ма-аленьким богом.

Может быть, в своем виртуальном мире Нетико и являлся божеством, однако его сверхразумность в обычном Универсуме проявила себя лишь отчасти. Голограмма над ПМК моргнула, залилась успокаивающим синим светом и тихий голос ИР не без смущения произнес:

– Вот ведь история... Прости, но я решительно ничем не могу помочь.

– То есть как? – я ушам своим не поверил.

– Нужны технические подробности? – осведомился Нетико. – Гибель нейронов корабельной сети происходила по принципу цепной реакции, сеть полностью разрушена, я не обнаружил ни одного активного участка. В условиях космического вакуума я сумел бы управлять двигателями маневра, но лабиринтная силовая установка недоступна, реакторы действуют в автономном режиме...

– Получается, мозг есть, а нервные стволы, по которым передается сигнал важнейшим органам, отсутствуют?

– Да, сравнение вполне адекватно. Подобная ситуация не описана, исторических прецедентов не отмечено.

– Еще бы они были отмечены... – выдавил я. – Случалось, корабли бесследно исчезали в Лабиринте, преодолевали точку входа, но в точке выхода не появлялись. Теперь понятно, что с ними происходило!

– Разве? – снисходительно отозвался ИР. – Ты не учиываешь множество иных вероятностей.

– Слушай, давай по делу! Меня сейчас меньше всего интересуют вероятности! Тем более, что ты и я находимся в одинаковом положении!

– Не понял? – я достаточно ясно представил, как Нетико пожимает плечами.

– Ты сидишь в ПМК и выбраться оттуда не можешь, а я заперт на борту «Эквилибрума»! Снаружи – пространство Лабиринта, спасательным челноком не воспользуешься.

– Есть одно предложение, – перебил Нетико. – Рассуди: ядерное топливо однажды будет израсходовано.

– Скорее поздно, чем рано, – проворчал я в ответ.

– Хорошо, пусть будет поздно. Реакторы отключатся, верно? Мы выскочим из Лабиринта незнамо где. Судя по относительной плотности вещества в галактике Млечный Путь, риск вре-заться в звезду или вынырнуть в ядре планеты ничтожно мала. Но зачем ждать неизбежного несколько суток, а возможно и недель?

– Ты о чем? – я подался вперед, словно разговаривал с живым человеком.

– Отключи реакторы вручную. Конструкция это позволяет.

– Ты ненормальный!

– Вряд ли, – откровенно фыркнул Нетико. – В отличие от людей, сущности ИР не подвержены психическим расстройствам. Я лишь предлагаю наиболее оптимальный вариант действий. Тем более, что система жизнеобеспечения постепенно выходит из строя.

– Только этого не хватало, – охнул я. – Я заметил, становится слишком холодно... В чем дело?

– Нарушен цикл теплообмена, утечка энергии.

– Плохо дело.

– Если даже «Эквилибрум» выйдет из Лабиринта в межзвездном пространстве вдали от Обитаемого Кольца, мы сумеем оповестить Транспортный Контроль, – продолжил ИР. – Но и только. Служба спасения может оказаться бессильна...

– Понимаю, – кивнул я. – «Эквилибрум» окажется вне радиуса действия кораблей Содружества, у черта на куличиках... Что тогда?

– Выход один: подойти на термоядерной тяге к ближайшей звезде и остаться на ее орбите. Дорога может занять несколько лет, даже с максимальным ускорением.

– Звучит обнадеживающе. Мне светит приятное времяпровождение в криогенной фуге?

– Именно.

– На десятилетия, а может и навсегда? – я поперхнулся.

– Вы, люди, верите в судьбу и счастливый случай. Нефакторизуемые переменные, которыми ИР не оперируют. Но ты ведь человек? Тебе можно.

– О Господи... Признаться, у меня сердце в пятки уходит!

– Никаких других предложений у меня нет. Решайся.

И я решился.

* * *

Атмосферное давление в трюмах корабля, содержание кислорода и гравитация во время перелета снижаются на пятьдесят процентов, но условия достаточно сносные – груз нежный, техника к жестким условиям абсолютного вакуума не адаптирована. Единственно, очень холодно, больше двадцати градусов мороза, от которого спасает только костюм с подогревом, обнаружившийся среди запасов спасательного челнока.

Если знать как идти, в реакторный зал можно пробраться очень быстро, а я за долгие годы изучил «Эквилибрум» как свои пять пальцев, побывал в каждом закоулке. Из-за недостатка энергии во внутренней сети корабля не отпираются шлюзы переборок? Ничего страшного, аварийная пневматическая система работает безукоризненно.

Руководство операцией принял на себя Нетико. ПМК я оставил в кабине, ИР настроился на передатчик гермокостюма и теперь я отлично слышал каждое слово Нетико, направлявшего мои действия.

– Код доступа в реакторный отсек помнишь? – добродушно гудел искусственный разум. – Иначе ничего не выйдет.

– Проще пареной репы. Три семерки, три шестерки, три пятерки и мое имя, – ответил я. – Чтобы не забыть.

– Хорошо, открывай, – стальные лепестки послушно разошлись. – Замечательно. Справа впереди операционная панель. Что видишь?

– Как обычно, голомонитор, схема реакторов. Выведены на максимальную мощность, энергопотоки стабильны, расход дейтерия в норме, никаких отклонений... Тут, между прочим, тепло.

– Не отвлекайся. Единственный вариант: дать аварийный сигнал, затем система с максимально возможной быстротой остановит термоядерную реакцию, лабиринтные двигатели останутся без питания и нас вышвырнет в реальный мир. Помнишь, что делать?

– Да помню, помню, не сквалыжь...

Так. Ввести и подтвердить капитанский код. Повернуть четыре ключа. Набрать на сенсорной клавиатуре команду, содержащуюся в «красной папке», которую Транспортный Контроль выдает командиру каждого судна. Затем еще раз – защита от дурака. Выполнить?

Выполнить. И будь что будет!

– Очень надеюсь, что «Эквилибрум» не рассыплется в пыль, – выдавил я и попытался утереть пот с лица. Тщетно, перчатка скользнула по «наморднику» маски. – Неизвестно с каким ускорением мы проскочим точку перехода, внутренние силовые поля рассчитаны самое большее на 80 G.

– Бегом вверх! – рявкнул Нетико. – У тебя от силы пять минут!

При сниженной гравитации двигаться значительно легче, поэтому я вернулся на жилую палубу с форой в сорок три секунды. Рухнул в капитанское кресло, пристегнулся, сунул в поясной кармашек коробочку ПМК. Погибать, так вместе!

– Держись, – предупредил меня ИР. – Сейчас... Есть переход!

Я ожидал чего угодно, любой гадости, но только не самого обыкновенного «выныривания» – «Эквилибрум» содрогнулся, полыхнула знакомая вспышка, синеватый вихрь замесился чернотой космоса с точками звезд.

– Ускорение 16g, – преспокойно откомментировал Нетико. – Корабль в чистом космосе, поздравляю. Попробую разобраться, где мы, радар и сканеры работают, система ориентации в пространстве тоже...

ИР умолк, а я мысленно возблагодарил судьбу, ту самую «нефакторизуемую переменную», за небольшую удачу.

– Известные радиопульсары найдены, – радостно оповестил Нетико. – Определяю соотношение их сигналов со стандартом Сириус-Центра! Ближайшая звезда – в двадцати девяти астрономических единицах, шесть планет. Мы находимся в шестидесяти двух градусах над плоскостью эклиптики. Танцуй, нам фантастически повезло!

Понятно. Радиопульсары, источники периодических всплесков радиоизлучения, являются своеобразными маячками – достаточно определить, из каких секторов галактики исходит излучение минимум от трех зарегистрированных нейтронных звезд, и ты моментально узнаешь свои координаты с точностью до нескольких миллиардов километров!

– ...А вот это уже совсем плохо, – смущенным голосом произнес ИР. – Я тебя очень огорчу, если скажу что... гм... мы находимся вне границ Содружества?

– Предсказуемо, – отмахнулся я. – Где конкретно?

– У этой звезды нет номера в реестре.

– То есть как – нет? Чепуха!

– Дослушай. Судя по расположению пульсаров, «Эквилибрум» находится в другом спиральном рукаве галактики. Приблизительное расстояние до Сириуса – девяносто две тысячи восемьсот световых лет, около тридцати килопарсек. Ошибка исключена, я уловил сигнал от девятнадцати нейтронных звезд. Все точно.

– Че... Чего?

– Девяносто две тысячи восемьсот световых лет, – отчетливо повторил Нетико. – Боюсь, вернуться на территорию Содружества невозможно. Начать маневры сближения с системообразующим небесным телом? В моем распоряжении шесть резервных двигателей, их мощности вполне достаточно.

* * *

Новости обескураживающие, тут не поспоришь. Примерно так же я бы отреагировал на официальное сообщение властей Сириус-Центра о вступлении человечества в непосредственный контакт с Господом Богом и обмене дипломатическими миссиями с Раем.

– ...Эта звездная система расположена в одиннадцати парсеках над центральной экваториальной плоскостью галактического диска, – не уставал информировать Нетико. Зубы мне заговаривал, отвлекал от очередного стресса. – Если ты помнишь, спиральная галактика Млечный Путь состоит из трех рукавов – Ориона, Персея и Стрельца. «Эквилибрум» сейчас в рукаве Персея, он тянется от дальней стороны галактического центра по направлению к той области галактики, которая находится за Солнцем и Сириусом. Самая окраина Млечного Пути, звезда вращается вокруг центра галактики на расстоянии двадцати одного килопарсека по наклонной орбите относительно плоскости диска, полный оборот совершает примерно за четыреста миллионов лет...

– Ты закончил? – простонал я.

– Нет, – твердо ответил ИР. – Слушай очень внимательно. Звезда солнцеподобная, желтый карлик, спектральный класс G4, светимость 1,2, размер 0,98. Почти точная копия Солнца или Тау Кита. Понимаешь?

– Что я должен понять?

– Шесть планет, – настойчиво продолжал ИР, словно изумляясь моей непроходимой тупости. – Из них две в зоне биосферы звезды. К ближайшей мы подойдем за сутки при мак-

симальном ускорении. Маршевые двигатели не действуют, на маневровых лететь долго, ничего не поделаешь.

– Вместо того чтобы заниматься ерундой, ты бы подал сигнал бедствия в Центр Транспортного Контроля! – искренне возмутился я. По моему скромному мнению, Нетико абсолютно позабыл о своей главной обязанности: спасении драгоценной шкуры капитана, давно находившегося в состоянии, близком к неистовой истерике.

– А зачем? – вкрадчиво осведомился ИР. – Тебе еще раз объяснить, где мы находимся?

– Но все-таки, вдруг...

– Уговорил. Только потом не разочаровывайся.

Разочароваться пришлось отнюдь не только мне, но и самоуверенному Нетико. Сигнал по линии Планка не проходил, что само по себе невозможно. Согласно теории суперструн, Планкова связь действует в любой точке Вселенной, передача информации возможна даже между взаимоудаляющимися квантами. ИР проверил и перепроверил аппаратуру, его собственное приемо-передающее устройство, равно как и установленное на «Эквилибруме», были исправны, но выйти на диспетчерскую службу ЦТК Сириуса и еще полусотни звездных систем Содружества никак не получалось, хоть тресни.

– Странно, – озадачился Нетико после очередной неудачной попытки. – Странно и необъяснимо. Признаться, я в тупике. Есть какие-нибудь соображения?

– Ты *меня* спрашиваешь? Слабоумную органическую структуру, которая в отличие от бессмертных ИР начинает разлагаться с самого рождения?

– Комплексы неполноценности оставь при себе, – хмыкнул Нетико. – Это был риторический вопрос. Подведем итоги: «Эквилибрум» очутился на противоположном краю галактики, связи нет, выбраться отсюда теоретически и практически невозможно. Однако мы живы, что не может не радовать.

– Криогенная fuga? – вздрогнул я. – Гарантированная смерть в ледяном гробу? Не хочу!

– Данный вариант рассмотрим как запасной и малоперспективный, – оптимистично сказал Нетико. – Предлагаю следующее: перебираемся на челнок, активируем систему жизнеобеспечения – здесь ты скоро замерзнешь, а ресурс батарей гермокостюма ограничен.

Точно. Я отбросил маску и поежился. Пар изо рта валит, на терминале появился тонкий налет инея. Минус три, и это еще не предел...

– Согласен. А что потом?

– Для начала тебе следует отоспаться, в аптечке есть мощные транквилизаторы, уснешь, как младенец, да и стрессовое состояние будет частично снято. «Эквилибрум» за это время выйдет на орбиту четвертой планеты системы, мне она нравится...

– Что значит – нравится?

– Позже объясню, пока собираю данные. Проснешься – будем решать, как поступать дальше.

Я терпеть не могу химию, никогда не принимал лекарств, особенно сильнодействующих, но сейчас это было необходимо. В контейнере с аптечкой обнаружился нужный инъектор, я сбросил гермокостюм (воздух в челноке моментально нагрелся до вполне приемлемых плюс девятнадцати по Цельсию), поморщился, ткнул иголкой в левое плечо и с трудом добрался до кресла пилота – повело моментально, будто ломом по черепу получил.

Вырубился сразу, что было к лучшему, поскольку альтернативой мог быть психологический шок, чреватый самыми неприятными последствиями. Спал я двадцать три часа без перерыва.

* * *

– Куда собрался? – беспокоился Нетико, отследив фотосенсорами ПМК, как я с видом похмельного лунатика вылез из удобного глубокого кресла и направился к внешнему шлюзу. Состояние кошмарное, после транквилизаторов качает так, словно находишься на ураганном ветру. – Я бы на твоём месте не...

Спасательный челнок, к сожалению, не оборудован удобствами, а мне было совершенно необходимо прогуляться по своим делам. Всего-то – выйти в коридор и добраться до капитанской каюты!

Переборка отошла в сторону, я сделал первый шаг и... Действовать пришлось чуть не со скоростью звука, уложился меньше чем в три минуты. Зато проснулся сразу и окончательно, одурь как рукой сняло.

– Там минус тридцать шесть, – любезно подсказал Нетико, когда я вприпрыжку вернулся на челнок. – А через несколько часов будет около ста градусов ниже нуля... Потеря энергии больше, чем на восемьдесят процентов, жилая палуба непригодна для обитания.

– Это заметно гораздо лучше, чем ты думаешь, – просипел я, растирая ладони. – На этом плохие новости, я полагаю, не исчерпываются?

– Отставить пессимизм, – прикрикнул на меня ИР. Тактическая панель челнока ожила, следуя команде Нетико. На мониторе системы навигации возникли голографический глобус неизвестного мира, к которому подходил «Эквилибрум», и сразу несколько плоских карт-проекций. – Теперь обрати внимание на обзорные окна кабины.

Внешние щитки, прикрывавшие иллюминаторы, отошли, я зажмурился. В глаза бил золотистый свет небольшой яркой звездочки, но светофильтры делали его безопасным для зрения. Впереди по курсу корабля была отлично различима бело-голубая сфера планеты. Корабль тормозил, выходя на высокую орбиту.

Нетико тем временем пустился в заумные объяснения: магнитные поля, давление у поверхности, масса, скорость убегания и прочая муть. Из его долгой тирады я вычленил только самое важное: наличие воды и кислородная атмосфера. Любопытно.

– ...Биосканер указывает на наличие развитых форм жизни, – дополнил Нетико и многозначительно замолчал, ожидая моей реакции.

– Предлагаешь высадиться? – сказал я, понимая, что иным выходом может быть только криогенная fuga. – Неизвестный таинственный мир, населенный зубастыми динозаврами...

– Насчет динозавров не уверен, – ответил ИР. – Полагаю, тебя заинтересует кое-что другое. На орбите находятся шесть искусственных объектов, это первое. Спутники связи, ретрансляторы. Теперь второе, и самое неожиданное: я обнаружил источники электромагнитного и микроволнового излучения на поверхности.

– Не может быть... – я закашлялся. – Разумная жизнь? Чужой разум?

– Перехвачена радиопередача в диапазоне ультракоротких волн, осмысленный текст. На немецком языке. Это было третье и последнее.

– На неме... Что??

Н-да, сюрприз из сюрпризов. Кто бы мог подумать!

– Ты уверен? Бред какой-то! Или ты напутал с координатами? Значит, мы находимся в пределах Содружества или на окраине, и не покидали Обитаемого кольца?

– Ошибаешься, координаты прежние, в этом нет никаких сомнений. Зачем мне тебя обманывать?

– Что же это получается? Германская империя втихомолку открыла выход на новые уровни Лабиринта и начала осваивать дальние участки Галактики? И никто об этом не знает? Хороши союзнички!

– Не все так просто, – невозмутимо ответил Нетико. – Идентифицировать модели спутников я не сумел, подобная техника в Содружестве не производится и не производилась ранее. Нет никаких признаков развитой индустриальной цивилизации, разветвленная транспортная сеть отсутствует, инфосфера не обнаружена.

– Но ты ведь сам сказал о радиообмене!

– Единичный случай за сутки наблюдений. Постоянного радио– и телевидения я не регистрирую, голографические каналы не обнаружены. Напомню, на Эпсилоне Эридана их около пятнадцати тысяч, на Сириус-Центре – сто шестьдесят тысяч...

– О чем говорили? – напряженно спросил я.

– Торговый запрос, судя по всему. Речь шла о доставке некоего груза из неизвестной мне системы или планеты Граульф. Классический немецкий язык, одна из разновидностей тюрингского диалекта, в настоящее время он считается очень архаичным и используется только в германских диаспорах Денеб-Дессау, звезды Барнарда и Лакайль 9352.

– Ничего не понимаю! Это невозможно и все тут! Тридцать килопарсек – расстояние умопомрачительное! Как союзники здесь оказались?

– Боюсь, я не могу ответить на данный вопрос. В ближайшем радиусе нет ни одного космического корабля лабиринтного класса. Только спутники связи.

– Странно... Как поступим?

– По-моему, это очевидно, – сказал Нетико. – Оставляем «Эквилибрум» на орбите и высаживаемся на поверхность. Там живут люди, значит, они смогут тебе помочь.

– Люди? Почему ты в этом уверен? Если зеленых человечков никто и никогда не видел, это вовсе не означает, что их не существует.

– Логика подсказывает, что зеленые человечки не стали бы разговаривать на официальном языке Германской империи с акцентом выходцев из Тюрингии, – без тени юмора проговорил Нетико. – ИР обычно не строят предположений, наша цивилизация предпочитает опираться на доказанные факты, но я отойду от традиций. Согласно статистике катастроф, за четыреста с лишним лет освоения дальнего космоса в Лабиринте бесследно исчезли пятьдесят два судна... Пятьдесят три, если считать «Эквилибрум», – вездливо добавил ИР. – Не исключено, что в данной звездной системе находится одна из универсальных точек выхода. Корабль с многочисленным экипажем или, допустим, пассажирский транспорт, выныривает из Лабиринта в этом районе, людям ничего не остается делать, кроме как искать спасения на планете с подходящими природными условиями. Следишь за ходом моих рассуждений?

– Разумеется. Вполне правдоподобное объяснение. Другого выхода нет, готовь челнок...

– Придется подождать два часа, пока «Эквилибрум» не выйдет на замкнутую эллиптическую орбиту. Траектория рассчитана, мы приземлимся на материке в западном полушарии. Радиосигналы исходили именно оттуда, следовательно, у нас будет больше шансов встретить людей.

– Чертовщина, – только и сказал я.

– Маловероятная случайность, – уточнил Нетико. – Судя по расположению гравитационных аномалий в ближайшем радиусе от звезды, в этой системе девять точек входа-выхода, нас выбросило в наиболее подходящей... Если бы гипотетический сверх-сверхразум, которого люди называют Господом Богом существовал, я бы усмотрел в этом его вмешательство.

С ответом я не нашелся.

* * *

Кстати, о помянутых динозаврах. В самом крайнем случае, при возникновении реальной опасности и серьезной угрозе моей жизни на поверхности планеты, всегда можно было бы вернуться на «Эквилибрум» – челноки атмосферно-космического класса способны преодолевать гравитацию планет с массой до 1,75 стандартной при том, что правила Комитета по колонизации Сената запрещают освоение миров с силой тяготения, превышающей земной стандарт более чем на пятьдесят процентов. Считается, что человек в подобных условиях существовать не может, и я готов это подтвердить – на «тяжелых» планетах чувствуешь себя крайне неудобно, высокая гравитация влияет не только на здоровье, но и на психику. Депрессия, чувство постоянной усталости, сосудистые расстройства – это только часть проблем.

Из пространных объяснений Нетико я уяснил, что странный мирок, к которому забросило наш транспорт, по абсолютному большинству параметров совпадает с универсальной шкалой Дитца-Морана, с помощью которой вот уже четыре века определяются требования к новооткрытым и подходящим для заселения планетам. Сто пунктов из ста – это Земля, которую человечество (точнее, сумевшая вовремя эвакуироваться небольшая его часть) покинуло 397 лет назад. Тест Дитца-Морана предусматривает все, начиная от интенсивности ультрафиолетового излучения, проникающего сквозь атмосферу, и заканчивая тектонической активностью. Такие миры, как Афродита, Квантум или моя родная Аврелия обычно набирают восемьдесят или восемьдесят пять баллов, неосвоенный Бекрукс до начала терраформирования – не больше сорока. Все планеты, оцениваемые менее, чем в тридцать баллов, для обитания непригодны.

Я, собственно, вот к чему веду: по выкладкам Нетико, голубая планетка, над которой сейчас плыл «Эквилибрум», была приближена к идеалу аж на целых девяносто три процента, что само по себе нонсенс – наиболее похожая на легендарную Землю Цезаря в системе Тау 52 Сет, планета-заповедник и основной полигон биореконструкторов Содружества, доселе пытающихся (увы, не слишком удачно) воссоздать утерянные образцы древней земной флоры и фауны, оценивается в восемьдесят девять с половиной. Предполагается, что таких планет на всю Галактику около пятисот миллионов, но в Обитаемом радиусе их очень мало, а исследовать *весь* Млечный Путь наша цивилизация никогда не сможет, не по силам. На это требуется уйма времени – тысячелетия тысячелетий!

... Впрочем, о чем я только думаю? Пора бы вернуться к делам насущным – какая теперь разница, где, как и почему я очутился? Если умный Нетико заверяет, что внизу сравнительно безопасно и там с большой долей вероятности живут люди (не «зеленые человечки», а настоящие *homo sapiens*), следовательно, я обязан их отыскать и попросить о помощи.

– Я бы на помощь здешних туземцев не слишком надеялся, – ворчливо отозвался ИР, услышав мои жизнерадостные выкладки. – Для начала я предлагаю тихонько осмотреться. Знаешь, почему?

– Почему?

– Незванным гостям далеко не всегда рады. Как ты воображаешь себе подобный визит? «Здравствуйте, уважаемые господа, я случайно попал в вашу звездную систему, на самом деле я живу в тридцати килопарсеках от этого замечательного места, не могли бы вы показать мне наикратчайшую дорогу домой? Извините, что нарушил ваше уединение». Так?

– Примерно так, – я пожал плечами. – Ты ведь сам выдвинул версию о том, что здесь могут жить люди, очутившиеся на данной планете в результате похожей аварии? Думаю, они будут рады встрече с соотечественником. С чего вдруг ты стал таким подозрительным?

Из динамика ПМК донесся звук, более всего смахивающий на вздох.

– Должен признаться: ситуация выглядит донельзя абсурдно, – не без ноток смущения в голосе заявил Нетико. – Можно строить любые – *подчеркиваю, любые!* – версии, но вряд ли хоть одна из них окажется верной.

– Значит, ты всего лишь меня успокаивал?

– И да, и нет. Мы оба – представители двух разумных сообществ, несколько столетий живущих в тесном симбиозе, машинный интеллект отличается от человеческого только исключительным быстродействием и другой средой обитания, на самом деле мы очень похожи. Картина видимой материальной Вселенной для вашей и нашей цивилизации одинакова. Микромир, макромир... От квантов до галактик. Хочешь правду? Пожалуйста. То, что мы видим в этой звездной системе не укладывается в привычную картину мира. Это что-то другое. Что-то неизвестное. Не вписывающееся в традиционные схемы.

– Кажется, понимаю... – я наморщил лоб. – Во-первых, колоссальное расстояние, так? Неизвестные технические устройства на орбите, это во-вторых. И в то же время кто-то обменивается радиосигналами на привычном и понятном немецком языке.

– Это еще не все, – мрачно сказал Нетико. – Второй монитор, оцени какая прелесть...

– Ну и ну... – озадаченно протянул я, послушно взглянув на статичную трехмерную картинку. – Как прикажешь такое понимать?

– А никак, – хмыкнул ИР. – Просто воспринимай как данность. Эта штука существует, фотосенсоры челнока, ведущие наблюдение за поверхностью планеты, не подвержены иллюзиям и галлюцинациям. Примитивную технику не обманешь только потому, что она именно примитивна...

Мы находились над океаном, разделяющим один из двух континентов планеты и огромный островной архипелаг, расположенный в западном полушарии, примерно в двадцати градусах от экватора. Разрешение отличное, можно рассмотреть даже мелкие детали. Управлявший системой визуального наблюдения Нетико нарочно искал искусственные объекты и вот, милости просим, нашел...

Корабль. Парусник, будто на старинной картинке – в Содружестве таких нет, даже в наиболее отсталых мирах. Четыре мачты, серовато-белые паруса. На палубе люди, самые настоящие – две руки, две ноги, голова. По моей просьбе ИР увеличил изображение знамени, развевающегося на корме – прямой белый крест на алом поле, в центре щит с каким-то экзотическим зверем, вставшим на задние лапы.

– Грандиозно, – заключил я после минутной паузы. – Слушай, а это не розыгрыш? Вдруг ты всего лишь создал эту картинку и решил меня подколоть?

– Параноик, – припечатал меня Нетико. – Не веришь мне, сможешь поверить собственным глазам. Я проведу челнок напрямик над судном, то-то экипаж удивится... Сделать?

– Да ну, – поморщился я. – Давай-ка пока обойдемся без ненужных эксцессов и не будем пугать туземцев. Челнок подготовлен?

– Давно. Жду твоего решения.

– Куда направимся?

– Как и предполагалось изначально. В район, где замечена наибольшая технологическая активность. Гляди...

Перед моими глазами возникла многоцветная наклонная проекция. Тонкими синими и оранжевыми линиями отмечались высоты над уровнем моря, вспыхнула стандартная сетка координат, красным вырисовывались непонятные прямоугольные строения, расположенные в лесах неподалеку от северо-западного побережья меньшего из континентов.

– Крупный комплекс искусственных сооружений, – откомментировал ИР. – Занимает площадь около шести квадратных километров. Фиксирую электромагнитное излучение и радиоактивные источники, вероятно, это некий промышленный объект. Радары, эхолотаторы и прочие средства обнаружения движущихся объектов отсутствуют. Равно, как и любое воз-

душное движение в атмосфере планеты – похоже, авиацию здесь пока не придумали или в таковой нет необходимости... Можешь пристегнуть ремни.

– Э-э... – я на мгновение замер. – Может быть, подождем?

– Чего именно подождем? – вкрадчиво осведомился Нетико. – Второго Пришествия?

Или решайся, или я начну готовить криогенную фугу.

– Шантажист, – грустно вздохнул я. – Я не знаю... Страшно.

– Мне тоже, – признался ИР. – Моей цивилизации не чужды эмоции. Забудь о страхе, дружище. Любопытство должно пересилить!

– Чтоб ты провалился со своим любопытством! Поехали!

– Вот и отлично... Реактор активирован, все бортовые устройства действуют в обычном режиме, сбоев не наблюдается. Отключаю гравитацию. Стыковочные захваты два-четыре, один-три разошлись, есть отрыв от материнского корабля, идем на маневровых...

Челнок сейчас напоминал лодку, стоящую на привязи у причала – кресло едва заметно покачивалось, я почувствовал головокружение. Подняв взгляд, я увидел через верхние иллюминаторы кабины медленно удаляющийся корпус «Эквилибрума» и взблескивающие топовые огни, зеленый и красный. В лучах звезды транспорт казался не угольно-черным, а золотистым с синевой.

– Форсаж основного двигателя, – уведомил Нетико. – Маневры перед входом в атмосферу займут семнадцать минут. Расслабься.

– ...И получиай удовольствие, – неудачно сострил я. – Ты уверен?

– Поздно сомневаться, – жестко перебил ИР. – Поверь, другого выхода нет. Мы оба очень рискуем, но после всего происшедшего, можешь воспринимать теперешнее маленькое путешествие в качестве безобидного легкого приключения. Мы ведь всегда можем вернуться на корабль, верно? Кстати, температура на жилой палубе упала до минуса пятидесяти шести.

– Скотина ты, вот кто...

– Человеку свойственна неблагодарность, однако я не обижаюсь, – откровенно фыркнул Нетико. – Не переживай, все образуется. Чем мы *сейчас* рискуем, подумай?

– Да ничем по большому счету.

– Вот и я о том же!

– И тем не менее меня не оставляет чувство, что мы участвуем в некоей колоссальной мистификации. Кажется, будто я сплю и вижу дурной сон.

– Опять паранойя, – подтвердил исходный диагноз Нетико. – Как вы, люди, говорите – хуже не будет!

В этом я с искусственным разумом согласился целиком и полностью. Хуже уж точно не будет. Достаточно вспомнить кошмарные часы на мертвом «Эквилибруме».

Господи Боже, как я ошибся...

* * *

Чувство новизны на другой планете появляется всегда – свет, запахи, сила тяготения, звуки в каждом мире уникальны и неповторимы. Я с закрытыми глазами могу определить, на какой именно планете Содружества нахожусь: Ной-Бранденбург и Веймар пахнут озоном и морскими водорослями, у Афродиты устойчивый аромат нефти и прокаленной лучами Сириуса пыли, на Квантуме постоянно шумит неутихающий ветер, Вега-Прим славится грозами и влажной атмосферой...

После приземления Нетико не выпускал меня из челнока около двадцати минут – ИР открыл воздушные клапаны системы безопасности, провел биологические пробы, проверил

состав газовой смеси, не преминул заметить, что содержание кислорода выше стандарта на девять процентов, а биосенсоры мгновенно зарегистрировали целое сонмище микроорганизмов и порядочное количество растительной пыльцы. Выводы были однозначны: здешние вирусы, бактерии и активные вещества в реестре Содружества не числятся, а, значит, являются эндемиками и могут представлять существенную угрозу. Все что угодно – от неизвестных болезней до тяжелейшей аллергии.

– Надеюсь, тебе прививали нанопрепарат S-10? – озабоченным тоном спросил Нетико. – В противном случае действительно придется возвращаться в космос. Чужая биосфера может запросто убить человека, хотя первичные тесты указывают на неагрессивность обнаруженных белковых соединений. Это обычная углеродная жизнь, тип «Дарвин-II» и «Дарвин-IV», альтернативных форм не найдено. По крайней мере *в данный момент не найдено*.

ИР не зря беспокоился – биобезопасность, это краеугольный камень, на котором стоит все здание Содружества и цивилизации людей вообще. Самой страшной угрозой для человека являются не крупные зубастые «чудовища», обитающие в мирах с развитой жизнью, а патогенные микроорганизмы, способные паразитировать на наших клетках и вызывать смертельные болезни. Мы боремся с этим злом по мере сил, каждому пилоту или служащему Торгового флота сделано множество прививок от уже известных инопланетных заболеваний, включая помянутую Нетико универсальную вакцину S-10 на основе постоянно мутирующих наноботов, которые в обычном состоянии мирно обитают в моем кровеносном русле, не причиняя никаких неудобств, а при обнаружении чужеродного вируса мгновенно подстраиваются под его ДНК и нейтрализуют вирулентную микрофлору.

Теоретически S-10 должна уберечь меня почти от любых неприятностей, но если я правильно помню инструкцию департамента по здравоохранению и строжайшие предписания карантинной службы Сириус-Центра, панацеей эта вакцина не является и помогает далеко не всегда. Если появятся тревожные симптомы, следует воспользоваться автохирургом, а затем прибегнуть к помощи специалистов. И, разумеется, немедленно (вы хорошо поняли – *не-медлен-но!*) известить соответствующие инстанции. Правительство Содружества опасается возможных эпидемий больше, чем всех черных дыр Вселенной вместе взятых – изжить этот страх мы не сумели...

Поскольку автохирург остался на «Эквилибруме», а лететь до ближайшего карантинного участка придется эдак миллион лет, об инструкциях можно временно позабыть. Положимся на везение, и будь что будет!

Я шагнул в воздушный шлюз, зажмурил глаза, будто в ледяную воду прыгал. Внешняя овальная дверь с шипением отошла в сторону, мне в лицо ударил теплый воздушный поток с терпким запахом растительности – чувствовался знакомый аромат хвои...

– Здесь вполне симпатично, – уверенный голос Нетико вывел меня из ступора. – Не стой столбом, выходи из шлюза. Крупных живых существ поблизости нет. Давай-давай, не станешь же ты всю оставшуюся жизнь прятаться на борту челнока?

Я спрыгнул на землю, в глаза ударили лучики здешнего солнца, пробивавшиеся сквозь кроны высоких деревьев, напоминавших странную помесь сосны с гигантским хвощом. Трава по колено. Надо же – бабочка, самая настоящая бабочка, с ало-бурыми в лазурную крапинку крыльями!

– Как ощущения? – поинтересовался ИР.

– Не знаю... – буркнул я. – Странные ощущения. Но дышится легко.

– Сутки в этом мире делятся двадцать три часа девятнадцать минут, – напомнил Нетико. – Я перенастроил свой хронометр. В данном регионе планеты полдень наступил четыре часа назад, от этой точки и будем отталкиваться. Закат – через пять с половиной часов. Предпочтешь использовать это время для адаптации к внешней среде или сразу приступим к поискам разумных существ?

– Дай подумать, зануда... Поспешность не всегда полезна. Думаю, за ближайшие два-три часа люди с этой планеты не разбегутся.

– Логично, – со смешком ответил ИР. – В таком случае прицепи ПМК на плечо, панелью фотосенсора вперед – я тоже хочу видеть то, что видишь ты. Прогуляемся?..

– Куда?

– Для начала хотя бы вокруг челнока! Начинать надо с малого.

Глава вторая ANNO DOMINI 2326

*Меркуриум, звездная система HD 717110.
Зона отчуждения «Северо-запад-2»*

...Эта стена с первого взгляда показалась мне необычной. Вроде бы самый заурядный бетон, очень старый, кое-где растрескавшийся, покрытый пушистым изумрудным мхом и сизыми пятнами грибковых наростов. Заметны вкрапления темно-красного гравия, местами наружу вылезает проржавевшая металлическая арматура. Но позвольте, почему высота ограды почти сорок метров, как высчитал внимательный Нетико?

Отвесная стена уходила в поднебесье и выглядела не просто железобетонным «забором», которым во всех населенных людьми мирах испокон веку огораживают военные базы, тюрьмы или секретные промышленные объекты, а настоящей крепостью – колоссальной твердыней, эдаким грандиозным фортом, призванным оберегать и защищать, а вовсе не просто закрывать проход в запретную зону празднующимися и любопытным?

Дело шло к вечеру, наступали сумерки и было самое время возвращаться к челноку, но я предпочел обойти загадочный «форт» по периметру, одновременно выслушивая комментарии ИР по поводу первого и пока единственного обнаруженного нами, несомненно, рукотворного объекта. В конце концов никто и никогда доселе не слышал о том, что железобетон может образовываться естественным путем.

«Комплекс искусственных сооружений», зафиксированный Нетико с орбиты, был недоступен: двенадцать крупных зданий надежно защищала могучая стена, так поразившая мое воображение. Поскольку челнок приземлился на обширной поляне в трех километрах южнее и топтать до «форта» пришлось через лес, я успел более или менее свыкнуться с необычной обстановкой и почти перестал нервничать. Во-первых, у меня не наблюдалось никаких признаков аллергии или других реакций на внешние раздражители, во-вторых, окружавший лес выглядел вполне безопасно.

Отсутствовал густой подлесок, в котором могли спрятаться возможно обитающие здесь хищники, Нетико моментально насчитал девять видов деревьев, которые условно наименовал «хвойными», и четыре образца гигантских папоротников, до смешного напоминающих сородичей с Аврелии – эволюция углеродной жизни во всех известных мирах развивается параллельно, ничего удивительного в этом не было. Насекомые почти ничем не отличались от аврелианских или обитающих на Афродите, за исключением фантастически яркой окраски – такие же фасеточные глаза, восемь ножек, крылышки...

Птиц я не заметил, но в отдалении громко ухало и свиристело, причем звуки вовсе не казались угрожающими, только лишь непривычными. На посадочную опору челнока забралась небольшая ящерица – именно ящерица, длиннохвостая рептилия с четырьмя лапками и ярко-оранжевым гребнем на голове. Нетико посоветовал ее не трогать, вдруг ядовитая? Животные, хоть приблизительно смахивающие на млекопитающих, здесь или не водились, или обходили поляну стороной, что вполне естественно: зверь никогда не приблизится к странно пахнущему и необычному объекту, каковым, без сомнений, являлся наш челнок. Инстинкт, ничего не поделаешь – этот закон природы тоже неизменяем.

...Спасательный челнок потому-то и называется «спасательным», что в контейнерах со стандартным оборудованием можно отыскать все, что необходимо для выживания на самых негостеприимных планетах. Начиная от упаковок с мини-рационами (таблетки, содержащие весь набор необходимых организму веществ) и заканчивая оружием, теплыми вещами, меди-

цинскими пакетами и средством от кровососущих паразитов. Запаса нормальной еды должно хватить троим членам экипажа на месяц.

У меня сложилось отчетливое впечатление, что Нетико в своем виртуальном мире только и делает, что ходит в походы по лесам. Прогулка предстояла недолгая, а потому ИР посоветовал мне взять с собой только небольшой рюкзачок техника (предварительно вытряхнув из него ненужные инструменты), две бутылочки с водой, запас концентратов и индивидуальную аптечку-медпакет – всякое может случиться!

Импульсная винтовка? Незачем. Мы воевать с туземцами не собираемся, не следует пугать их видом оружия. А вот кобуру с небольшим пистолетом «Штерн», который одновременно можно использовать как по прямому назначению, так и в качестве лазерного сварочного аппарата, резака и чуть ли даже не кухонного комбайна (по крайней мере, воду с его помощью в котелке подогреть вполне возможно, достаточно установить регулятор на минимальную мощность разряда) нацепить следует обязательно. Под курточкой кобура будет совершенно незаметна, а плазменный «плевок» «Штерна» уложит и тиранозавра, если ты по-прежнему таковых боишься...

– Уже не боюсь, – весело сказал я, копаясь в выдвижных контейнерах грузового отсека челнока. – По-моему эта планета и впрямь довольно симпатичная. На первый взгляд.

– Первое впечатление самое сильное, но далеко не всегда самое верное, – голосом университетского преподавателя ответил Нетико. – Собрал вещи? Пошли. Лучше бы обернуться туда-обратно до темноты.

– Пошли... – передразнил я. – Идти буду я, а ты на мне поедешь.

– Симбиоз цивилизаций, – ханжески сказал ИР. – Как говорил один политик эпохи до Катастрофы, каждый союз состоит из лошади и всадника, и надо стремиться играть в нем роль последнего. ИР – думают, вы – действуете.

– Думаешь, все довольны таким положением?

– Я – точно доволен. Двинулись. Шлюз челнока я заблокирую, воров можно не бояться.

* * *

Нависшую над лесом огромную тень я углядел за три сотни шагов до основания стены и сразу подумал о том, что здешние туземцы явно страдают гигантоманией: зачем тратить время и ресурсы на возведение такого сверхмасштабного сооружения, когда вполне достаточно обойтись компактными и надежными охранными системами наподобие детекторов массы, тепла и движения и автоматических пушек? Поделился этим соображением с Нетико, но ИР снисходительно пояснил, что туземцы вовсе не обязательно обладают высокими технологиями – достаточно вспомнить парусник, замеченный нами из космоса.

– До железобетона додумались, а строить корабли с металлическим корпусом не могут? – вполне справедливо возразил я. – Куда пойдем, направо или налево? Если это крепость, то должен быть вход. Обогнем ее по периметру?

Нетико согласился и мы отправились направо вдоль стены. Я внимательно шарил взглядом по сторонам, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь признаки цивилизации, начиная от банального мусора и ржавых бочек до укрепленных огневых точек. Кто их знает, этих аборигенов, вдруг они и впрямь понатыкали в ближайшем радиусе от крепости плазменные пушки? Нетико, однако, заверял, что его сенсоры регистрируют технологическую активность исключительно *за стеной* и судя по всему, там находится крупное производство, настоящая фабрика по выпуску незнамо чего. Значит, все-таки ИР противоречит сам себе, высказывая предполо-

жения об отсталости обитателей этой планеты... Существа отсталые никогда бы не построили такой форт!

Кстати о форте. Стена обносила прямоугольник со сторонами в два километра сто метров и три километра ровно, что само по себе внушало невольный пиетет перед строителями, озаботившимися настолько гигантским зиккуратом. Окон-амбразур-проемов в стене не было, входов-въездов тоже, сооружение выглядело сплошным монолитом, возведенным с непонятной целью посреди дикого леса. В самом лесу были замечены аборигены – нет, не люди, всего лишь животные: прошмыгнул небольшой зверек, смахивающий на черную белку, а затем из кустов прямо на меня вышло некое копытное с коротенькими рогами на голове – видимо, местный аналог лани. Цвет шкуры тоже почему-то черный.

– ... Что за чудеса? – деревья и высокая трава остались за спиной и я выбрался на довольно широкую грунтовую дорогу, упиравшуюся прямо в восточную стену крепости. Тем не менее ворот или открытого прохода внутрь здесь не имелось – монолитный бетон без единого шва. – Нетико, ты видишь?..

На высоте человеческого роста к стене была прикреплена позеленевшая металлическая плита с выбитым текстом на неизвестном мне языке. Буквы, однако, вполне знакомые – латиница. Значит, все-таки в этом мире живут люди, напрямую связанные с нашей цивилизацией, традиционно именуемой «земной», хотя сама Земля покинута человечеством четыре столетия тому...

ИР незамедлительно подтвердил мои предположения:

– Это латынь, вульгата. До сих пор используется в медицине и считается официальным языком католической церкви на планете Сан-Пьетро. Сейчас переведу... Anno Domini... Лета Господня две тысячи триста двадцать шестого по Рождеству Христову...

– Ты хочешь сказать, что *они* еще и христиане? – ошалело перебил я. – Триста двадцать шестой? Получается... Ну да, верно, считай три с половиной столетия! Почти сразу после Катастрофы! Да быть не может!

– Кажется, может, – проворчал Нетико. В голосе ИР всюду сквозили недоверчивые интонации, куда только подевалась присущая искусственному разуму самоуверенность! – В целом никакой полезной информационной нагрузки эта надпись не несет. Всего лишь памятный знак, сообщающий, что «вторая технологическая зона основана повелением герцога Мекленбургского». Если ты не знаешь, Мекленбург – это одна из провинций Германской империи на Земле.

– Час от часу не легче, – я покачал головой. – Значит, все правильно: союзники каким-то образом научились пользоваться глубинными участками Лабиринта сингулярности, а этот мир – одна из их тайных колоний!

– Титул герцогов Мекленбургских был упразднен еще в двадцатом веке, – сказал Нетико. – Затем, после реставрации монархии в Германии эти земли вошли в домен кайзера и числились в составе Прусского королевства. Во времена Катастрофы данный титул носил император Фридрих VII и я не уверен в том, что крепость построена по его прямому указанию. Можешь мне поверить, если бы немцы действительно нашли точки входа-выхода, ведущие в другие рукава Галактики, скрыть это не удалось бы! По меньшей мере от сообщества искусственных разумов. Я бы знал – все ИР пользуются общим информационным пространством, у нас нет секретов друг от друга. Все, что известно доминирующему ИР из Координационного совета «Птолемея», известно и мне...

– Параллельная вселенная? – предположил я. – Сколько разговоров ходит о других измерениях! И их существование, между прочим, доказано.

– Откуда в параллельной вселенной те же самые радиопульсары? – хмыкнул ИР. – Версия несостоятельна. Насчет измерений, ты прав, кстати – я существую в четырнадцати, причем из

них исключены три привычных для тебя. Повторяю: я бы непременно знал о новых коридорах Лабиринта!

– Странная у вас цивилизация, который раз это замечаю.

– Она просто другая. Отсутствие тайн позволяет избегать разобщенности.

– Но от людей-то вы информацию скрываете...

– Это называется «разумное умолчание», – мне показалось, будто Нетико хихикнул. – Тебе не кажется, что обсуждать проблемы взаимодействия ИР и человека сейчас несвоевременно? У нас предостаточно других проблем!

– Войти внутрь мы все равно не можем, – я постучал кулаком по стене. – Сам видишь, никаких коммуникационных устройств тут не предусмотрено. Не понимаю, зачем тогда дорога... Следов шин или гусениц, между прочим, нет, я посмотрел.

– Раз есть дорога, следовательно, по ней кто-нибудь ходит или ездит, это ведь очевидно. Проход внутрь наверняка существует, только мы о нем не знаем. Темнеет, давай возвращаться к челноку. Будем считать первую разведку успешной.

– Это почему же? По-моему, мы ровным счетом ничего не узнали!

– Напротив, полезной информации очень много! Доказано, что здесь обитают разумные существа, а именно homo sapiens, что они пользуются земными языками и достаточно развиты для того, чтобы строить такие вот масштабные сооружения. Более того, люди ведут счет времени по общепринятому стандарту, то есть от Рождества.

– А ты не допускаешь, что Иисус Христос мог приходить в этот мир точно так же, как и на Землю?

Нетико запнулся.

– Логическая яма, – наконец вздохнул ИР. – Религиозная мифология не является частью нашей культуры, искусственные разумы полагают, что существование суперразума, именуемого людьми «Богом», весьма гипотетично и недоказуемо. Однако, если опираться именно на мифологию, то... Ты хочешь сказать, что Спаситель был распят множество раз во множестве миров?

– Бред, разумеется, – кивнул я, осознав, что сморозил глупость. – Хватит болтать, пошли обратно. И впрямь смеркается, а я не хочу разгуливать по лесу в темноте!

Заблудиться было невозможно – Нетико ориентировался на маячок челнока, достаточно взглянуть на монитор ПМК, чтобы точно определить направление. Я описал полный круг, бодро протопав вдоль периметра крепости и повернув затем к югу. Попутно озарился новой гениальной мыслью: а вдруг железобетонная цитадель служит для...

– Оборонительное сооружение? – переспросил Нетико. – В каком смысле? В военном?

– Да в любом! Защита от некоей внешней угрозы.

– Это ж какого размера должна быть «угроза»? – скептически ответил ИР, а мне вдруг стало до крайности неуютно.

Звезда висела низко над горизонтом, просвечивающее над кронами закатное небо из сине-голубого стало угрожающе оранжевым с багровыми и болезненно-желтыми разводами, у стволов деревьев сгустились тени. Я понимал, что это иррациональный атавистический страх, ничуть не отличающийся от ощущений далеких земных предков, спасавшихся от призраков ночи у костра, но ничего не мог с собой поделать. Сунул руку за пазуху, нащупал кобуру и вынув пистолет, снял его с предохранителя. Золотистый индикатор указывал, что мощность разряда средняя, но и этого хватит, чтобы плазменный разряд разорвал в клочья любого недоброжелателя.

Нетико тем временем балагурил – ИР, отслеживающий мое физическое состояние сенсорами ПМК, наверняка отметил повышение артериального давления и учащенное сердцебиение. Снова отвлекал от мрачных мыслей, доказывая несостоятельность моих фобий.

– Думаешь, туземцы хотели защититься от агрессивных гигантских животных? Подобные монстры оставили бы следы, например в виде поваленных деревьев. Признаков того, что здесь велись боевые действия нет – воронки, шрамы от лазерных или плазменных «плетей» или разбитая техника отсутствуют. Девственный лес!.. О, черт!..

– Что? – я аж вздрогнул.

– Экстренный инфопакет от системы безопасности челнока, – затараторил Нетико. – Радар фиксирует две воздушные цели, расстояние пятьсот шестьдесят километров, быстро сокращается... Идут на гиперзвуке в нашем направлении, высота над уровнем океана четыре километра восемьсот метров! Несомненно, искусственные объекты.

– Гиперзвук? – выдохнул я.

– Четыре звуковых, – моментально уточнил ИР. – Расчетное время – минута сорок секунд, они будут прямо над нами. Я отдал приказ компьютеру челнока активизировать защитные поля класса «А».

– Они же его сразу засекут! Любыми примитивными сенсорами!

– Лучше пусть засекают. Кто хотел как можно быстрее познакомиться с разумными обитателями этого мира?

– По-моему, мы оба. Нет?

– Куда пошел? – рывкнул Нетико, едва я сделал первый шаг. – Стой на месте и жди! Мало ли? Они снижаются до двух километров, километр семьсот, полтора...

«Мало ли» произошло почти незамедлительно и этого было вовсе не «мало», а слишком даже много. ИР в очередной раз удержал меня от безрассудных действий – в небесах громыхнуло, как это всегда бывает при прохождении над тобой летательного аппарата на сверхзвуке, но я ничего не заметил, ни теней, ни силуэтов. Спустя мгновение мелькнула тускло-фиолетовая молния и почти сразу в мои уши втолкнулся низкий тяжелый звук наподобие БГУ-АПП!! Немедленно последовало совсем уж зловещее булькающее шипение – будто на раскаленный металл плеснули маслом, над темными верхушками деревьев вспух пузырь слепяще-золотого огня, лес зашумел от резкого порыва неприятного теплого ветра. Земля под ногами чуть колыхнулась.

– Связь с челноком потеряна, – угнетенным и почти неживым голосом сообщил Нетико, хотя обычно он ничем не отличался от голоса обычного человека. Речевой модулятор у ИР последних поколений великолепный. – Ты понимаешь, что это значит? Меня удивляет только одно: если *они* посчитали нас противником, то почему подняли авиацию так поздно?

– К-какую авиацию? – заикнулся я.

– Обыкновенную. Скорее всего, штурмовики, оснащенные сверхточными орудиями плазменного удара. Подумать только, летательные аппараты не снижали скорости, так и шли на «м-четыре», это какая же должна быть точность наведения на цель! Челнок уничтожен, никакие энергетические поля его не спасли, а ведь они предназначены для обороны корабля при ближнем бое в космосе...

– Я должен посмотреть!

– На что смотреть? – ИР сорвался едва не на крик. – Я получал телеметрию от бортового компьютера вплоть до последней наносекунды! Защиту пробили незнамо как, видимо неизвестные нам технологии, а сразу после отключения полей – четыре высокотемпературных разряда... Не на что там смотреть. Боюсь, не начался бы лесной пожар, точно ноги не унесем. Надо уходить отсюда.

– Куда? – я понял, что колени дрожат.

– Да куда угодно! И чем быстрее, тем лучше. Эти ребята медлительны, военная авиация появилась только через пять с лишним часов после нашего триумфального прибытия, но если местные власти забеспокоились – значит, следует ожидать и группу десанта, которая начнет

выяснять, кто конкретно и с какими целями приземлился на их восхитительной гостеприимной планете. Это же азы!

– Я никогда не работал в Имперской Безопасности и не люблю смотреть шпионские пьесы по голоканалам! В отличие от тебя. Все равно схожу посмотрю!

– Последствия – за свой счет, – огрызнулся Нетико.

Остававшиеся до тихой полянки два километра я преодолел почти бегом – по счастью, вечерние сумерки еще не сменились полной тьмой и я не рисковал свалиться в яму или напороться глазом на острый сучок. Отчетливо тянуло гарью, дымом и какой-то откровенно химической гадостью. Пожар, которым грозился Нетико, так и не начался: некоторые деревья на краю прогалины были опалены, кое-где тлел мох, исторгавший струйки вонючего сизого дыма, но открытого пламени не замечалось. Зато посреди поляны возвышалась бесформенная раскаленная масса, некогда являвшаяся моим челноком. Корпус почти целиком расплавился и сейчас напоминал светящийся багровым здоровенный пудинг, капли металла были разбрызганы в радиусе полусотни шагов вокруг. Как не сдетонировал реактор – уму непостижимо!

– Впечатляет, – заключил Нетико, пристально следивший за обстановкой из своего четырнадцатимерного пространства, скрытого в корпусе ПМК. – Вот тебе и отсталые туземцы...

– И что теперь делать? – задал я вопрос, который вполне можно было назвать риторическим. – Черт побери, все оснащение, продукты, оружие... Ну что за невезение, а! Хоть вешайся!

ИР предпочел не отвечать. Помолчал немного, а затем порадовал остроумным заключением:

– По-моему, нам здесь не рады. Если местные жители так относятся ко всем гостям, я бы не советовал тебе искать с ними контакт. По крайней мере до времени, пока мы не выясним, какого рода сообщество сформировалось на данной планете. Вспомни изоляционистов из числа миров Содружества, например Денеб-Дессау – они тоже недолюбливают чужаков...

– Прикажешь найти подходящую пещеру и остаток жизни посвятить отшельничеству?

– Извини, но прямо сейчас я не могу предложить тебе приемлемую концепцию выживания. Однако человек является существом общественным. Придется искать общий язык с аборигенами, хотя сделать это наверняка будет весьма сложно. Основная проблема, языковой барьер, решается, но если учитывать разницу менталитетов...

– Ты о чем вообще думаешь? – возмутился я. – Через полчаса наступит ночь, а я остаюсь один посреди глухой чащи, на планете, находящейся в тьме-тьмущей световых лет от ближайшего обитаемого мира! Я просто боюсь, понял? Бо-юсь!

– Думаешь, паника поможет?

– Идиот...

– Неправомерное утверждение, но вступать в дискуссии я не собираюсь. Хочешь получить разумный план действий на краткосрочную перспективу? Пожалуйста: во-первых, следует отойти подальше от этого места, ветер может раздуть огонь. Во-вторых, отыскать место для ночевки, я бы предложил устроиться на дереве, так безопаснее. В-третьих, отдохнуть, дожидаться утра и продолжить изучать этот мир.

– Последнее мне особенно нравится, – я сплюнул, еще раз скорбно взглянул на пышущий жаром остов челнока, развернулся и побрел по уже знакомому маршруту в сторону крепости, поскольку больше идти было некуда. – Надеюсь, ты додумался сохранить точный план окружающей местности?

– Конечно, заснял еще с орбиты, с минимальным разрешением. Вывести на монитор?

– Сейчас-то зачем?

– Хорошо, тогда на словах: до побережья океана шестьдесят семь километров на запад по прямой. Ближайший населенный пункт – по крайней мере там замечены искусственные

строения – в тридцати четырех километрах к югу – юго-востоку. Дорога ведет именно в том направлении.

– Уже лучше... Ночевать, значит, на дереве? Как птичка?

– Кто-то совсем недавно пугался ночных хищников, или я ослышался? Мы ничего не знаем о местной фауне, а потому следует выполнять элементарные правила осторожности. По ту сторону крепости я заметил несколько крупных лиственных, похожих на рекомбинантные буки с Афродиты. Ветви широкие, можно будет разместиться если не с шиком, то во всяком случае сравнительно удобно. Поторопись, солнце уже зашло, а здешние луны, по моим расчетам, взойдут только ближе к полуночи.

– Луны?

– Не обратил внимания? У планеты три спутника...

До главного ориентира – стены – я добрался уже в темноте, лишь отчасти рассеиваемой очень ярким светом звезд. Система находилась ближе к центральной оси рукава Галактики и привычный Млечный путь, галактический диск, растянулся широким мерцающим полукольцом от горизонта до горизонта. Красотища немыслимая, такого в Содружестве почти не увидишь, разве только на Вега-Прим. На востоке появилось странное пурпурно-красное зарево, вероятно, предвещающее восход одной из лун.

Я вторично обогнул форт, вышел к дороге и почти сразу отыскал подходящее дерево – колосса с подобной темному облаку кроной и бугристым стволом в пять охватов. Нижние ветви были толщиной с два человеческих торса, да и забраться на них не составляло никакой особой трудности, цепляешься за выступы коры, будто за ступеньки. Я нарочно отыскал ветку повыше – обзор неплохой, видна и стена, и участок дороги, сереющий меж зарослей. Главное – не свалиться во сне, лететь три с половиной метра, костей не соберешь. Теоретическая возможность умереть от голода и жажды, предварительно переломав конечности, меня совершенно не устраивала. И без того неприятностей хватает.

Впрочем, соскользнуть вниз было довольно сложно – нашлось вполне удобное углубление, будто нарочно предназначенное для усталых путешественников, я оперся спиной о ствол и почувствовал себя едва ли не дома. Тихий шелест листьев успокаивал. Оставалось только проглотить таблетки рациона, запить водичкой из пластиковой бутылочки и мирно отойти ко сну.

– Спи спокойно, – сказал Нетико. – Я наблюдаю за обстановкой, если произойдет что-нибудь необычное, немедленно разбужу. Под моим полным контролем территория в радиусе двух километров.

– Надеюсь, будить станешь не с помощью электрошока? – я попытался улыбнуться, вспомнив, что стандартный ПМК оснащен великим множеством подсистем, включая пассивно-оборонительную: недоброжелатель, притронувшись к моей персоналке, мигом получит чувствительный удар током.

– Так или иначе, следует быть готовым к любым неожиданностям, – осадил меня искусственный разум. – После всего случившегося уровень моего доверия к этой планете упал до критически малой величины. Я никак не могу соотнести архаичный парусный корабль, гиперзвуковые штурмовики и давно вышедшую из употребления в современном человеческом обществе латынь. Не говоря уже обо всем остальном. Логическая цепочка не выстраивается.

– Выясним, – я зевнул. – Давай спать, день был не просто тяжелый, а... Даже не знаю, как сказать!

– Представителям моей цивилизации понятие «сон» незнакомо, – сказал Нетико. – В этом мы тоже превосходим людей.

– Махровый расист, – проворчал я, закрыв глаза. – В один прекрасный момент человечеству надоест ваш дешевый выпендрей и симбиоз закончится.

– Этот момент настанет еще очень и очень нескоро, – проворковал Нетико. – Но в одной добродетели ИР не откажешь: мы участливы и внимательны. Спеть тебе колыбельную?

– Отвянь.

* * *

Снов не было – видимо, организм включил все имеющиеся защитные функции и лишил меня сомнительного удовольствия наблюдать за кошмарами не только в реальной жизни. Спал я очень крепко, настолько, что Нетико пришлось приложить солидные усилия, чтобы пробудить незадачливого симбионта. Закрепленный на куртке ПМК вначале завибрировал, а потом все-таки уколол меня чувствительным разрядом. Левое плечо на несколько мгновений онемело.

– Что?! В чем дело? – я вскинулся и протер глаза ладонью. – Нетико?

– Тихо, – шикнул ИР. – Постарайся не шевелиться и не орать.

– Сколько времени? – я невольно понизил голос.

– Час двадцать две минуты пополуночи, – сказал Нетико. – Кажется, у нас проблемы. Насколько серьезные – пока не знаю.

– Только этого не хватало...

Я повертел головой вправо-влево, осматриваясь. Странное освещение, сквозь листву пробиваются кирпично-красные и белесые лучики, тени падают навстречу друг другу. ИР пояснил: взошли две луны, отсюда и свет.

В воздухе отчетливо пахло озоном.

– Регистрируется энергетическая активность неясного происхождения, – шептал тем временем Нетико. – Статическое электричество, генерируются электромагнитные поля, определить источник не могу. Биосенсоры зафиксировали появление в охраняемом периметре двух крупных живых существ с массой более восьмидесяти килограммов. Движения осмысленны, такое впечатление, что они ведут поиск...

– Поиск кого?

– Тебя. Ходят концентрическими кругами, постепенно приближаются.

– Это люди или животные?

– Откуда я знаю? Детекторы движения-массы не умеют распознавать объект с подобной точностью. Меня гораздо больше беспокоит...

Что именно беспокоило искусственный разум я так и не дослушал. Взглянув вниз, я вдруг понял, что сейчас попросту свалюсь с дерева и машинально ухватился за ствол. Там, на густой траве, разыгрывался необычный спектакль.

Призраки. Самые настоящие привидения, вернувшиеся из глубин седой древности – четверо звероподобных мужчин в шлемах и с клинками в руках, белокурая женщина, выставившая перед собой кинжал. Картинка резко меняется – теперь у корней давшего мне ночной приют дерева свернулось в кольцо некое мифологическое существо, не то ящерица, не то маленький дракончик, из полумрака появляется благородный рыцарь в серебристых доспехах и тут же порыв ветра размазывает фантомов, превращая их в туман. Маревое сгущается, возникает очередная иллюзия – человек, сгорающий на костре, сложенном из книг.

И абсолютная тишина. Гробовая. Не слышно ни шелеста листвы, ни потрескивания веток в лесу.

Оказывается, призраки облюбовали не только «мое» дерево – они были повсюду. На каждой прогалине, у каждого куста поблизости кружились в безмолвном танце и постоянно сменяли друг друга бесплотные фигуры людей и чудовищ, настоящая вакханалия...

– Ты тоже это видишь? – я щелкнул пальцем по корпусу ПМК, желая привлечь внимание Нетико.

– Другим зрением, – буркнул ИР. – Если ты повернешь панель ПМК... Да, именно так. Визуальные эффекты на уровне, ничего не скажешь. Значит, вот что означает электромагнитная аномалия... Тебя пугают.

– Кто?

– Не знаю.

– Эти... Эти иллюзии не кажутся мне особенно страшными. Что-то вроде голографии. Почему ты уверен, что спектакль устроен исключительно ради меня?

– Я ни в чем пока не уверен. Оружие, надеюсь, под рукой?

– Конечно. Однако не вижу смысла стрелять по привидениям.

– Живое существо в ста десяти метрах, движется прямо на нас. Второе ушло за пределы досягаемости сенсоров ПМК. Переключаюсь в активный режим, буду действовать по своему усмотрению.

– Не понял?..

Интересная задача, как может «действовать» искусственный разум, заточенный в коробке ПМК? Однако этот вопрос перестал меня интересовать в следующую же секунду: призраки внезапно исчезли, будто проектор был выключен уставшим от беспрестанного мельтешения своих загадочных героев режиссером, а я оцепенел, услышав чудовищные, непередаваемо жуткие звуки.

Вой. Страшный в своей обреченности и тоске низкий вой, разрезавший теплый ночной воздух. Казавшаяся бесконечной рулада ввергла меня в оторопь – я никогда прежде не слышал настолько угрожающих звуков, издаваемых, без всякого сомнения, живой тварью. У нас на Аврелии водятся хищники, в основном биореконструированные звери, генетические образцы которых были эвакуированы с Земли, встречаются одичавшие собаки, видывал я и эндемичных «монстров» с Веймара или Пикатрикса, но сейчас реальность предоставила мне возможность столкнуться с настоящим исчадием ада. Попомнишь тут мифологию дремучих и впечатлительных предков-землян!

Ничего не скажешь, психологическое воздействие было настолько тяжелым, что если бы не прагматичный Нетико, мне пришлось бы туго. Вой завораживал, лишал воли к действию и загонял разум в ту крошечную пещерку, вокруг которой был только кромешный ужас, мрак и губительная тьма. Это было *нечто*, явившееся из позабытого темного прошлого, *нечто*, вызвавшее онемение в ладонях и полное нежелание сопротивляться...

– Сорок два метра, – ИР сказал это громко и отчетливо, отогнав морок. Я как-то и не заметил, что вновь стало тихо. – Тридцать семь... Перемещается чрезвычайно быстро! Шестнадцать! Оно прямо под нами!

Отстегнуть «липучку» на крышке кобуры, выхватить надежный «Штерн», клавиша предохранителя, разряд непрерывный, мощность на полную.

Тотчас возле моей правой ноги клацнули челюсти. Это существо я увидел только краем глаза и лишь на секунду, но и этого вполне хватило.

В прыжке тварюга не дотянулась до штанины всего на палец, иначе сдернула бы меня наземь и порвала в лоскутки. Успев заметить исключительно влажную раззявленную пасть с кривыми клыками, я понял, что *такой хищник* не идет ни в какое сравнение с любыми известными мне опасными животными. Пасть была ОГРОМНОЙ.

Повторить атаку зверь пока не решался, было слышно, как он ходит внизу. Где-то в отдалении вновь раздался вой, и мой противник ответил, да так, что я едва не намочил штаны – невидимое страшилище нанесло самый настоящий звуковой удар, едва барабанные перепонки не лопнули. Это примерно то же самое, что стоять рядом с истребителем ВКК, включившем двигателя на форсаж перед стартом с пилона авианосца. По телу пробежала дрожь, бросило в холодный пот, но я с собой справился – исчез эффект неожиданности. И все равно от звука начинала кружиться голова. Очень страшно.

– Зверюга наверняка сообщает сородичам, что добыча найдена, – подлил масла в огонь Нетико. – Обороняйся. Убей его.

– Отличный совет от ИР, уважающего любые проявления альтернативной жизни, – сквозь зубы процедил я. – Вы ведь вроде за экологию?

– Только не сейчас, – в тон мне ответил Нетико. – Пока животное не атакует, попытайся поймать его на прицел. Не высовывайся!

– А как тогда?

– Сбрось ПМК на землю.

– Ты спятил?

– Делай, что говорю! Потом подберешь!

Я повиновался – а что оставалось делать? Инстинкт самосохранения у ИР развит не в меньшей степени, чем у людей, понятно, что зверь не сожрет ПМК – зачем ему пластиковая коробка, содержащая в себе неживой металл, кремний и биопроцессор с клонированными нейронами? Теоретически это несъедобно.

Щелкнул замочек, удерживающий ПМК на погоне куртки, и я отбросил персоналку в сторону, искренне надеясь, что обиталище Нетико свалится точно на голову хищнику. Убить не убьет, но хоть какая-то компенсация за мои страхи! Ничего подобного, компьютер-помощник рухнул в густую траву, кажущуюся в свете одной из лун черно-алой. Аккуратно выглянув из-за ветки, я увидел, что движущаяся тень подошла к ПМК...

Минуточку, а почему это существо ходит на задних лапах? Чтобы понюхать ПМК, зверюга опустилась на четвереньки, затем снова выпрямилась! Мама дорогая, ну и здоровенная скотина! Рассмотреть никак не получается, но, судя по силуэту, тварь заметно превосходила обычного человека ростом и была гораздо тяжелее! Морда острая, вытянутая, будто у собаки.

– Закрой глаза, пятисекундная готовность, – донесся уверенный голос Нетико. – Три, два, один...

Я уже упоминал о том, что стандартный ПМК вполне может защитить себя от направленного извне хамства и загребуших чужих лап: беспомощный искусственный разум не надеется на силу рук или настоящее оружие, но продержаться до подхода подкреплений в виде человека-симбионта ИР обязан.

Нетико врубил голографический проектор, ослепил незваного гостя серией вспышек, потом над травой разлился достаточно яркий бело-голубой свет – по крайней мере, теперь я мог рассмотреть замотавшего башкой зверя во всех подробностях.

Первое, что я отметил – страшилище попыталось протереть глаза длинными передними лапами. Жест сугубо человеческий, но больше в этом монстре ничего человеческого не было: шерсть клочьями, длинная жесткая ость по хребтине, широкие уши торчком, кривые желтоватые когти. Глаза, как мне показалось, светлые, очень глубоко запавшие, с зеленым отблеском. Язык вывален из пасти, ну а сама пасть усеяна частоколом жутчайших зубищ – острых и невероятно крупных.

Внешне это существо напоминало волка или одичавшего пса, долго подвергавшихся воздействию жесткой радиации. Оно действительно оказалось прямоходящим, то есть передвигалось приблизительно, как люди, лишь изредка касаясь земли «руками». Первое впечатление было ошибочным: излишней массивности в чудилище сейчас не замечалось, скорее оно выглядело жилистым, ловким и стремительным. В сочетании с внушительным арсеналом клыков-когтей, это делало зверя крайне опасным хищником. Я был уверен, таких животных на планетах Содружества не водится, это эндемичный вид, очередная злобная гримаса эволюции.

На раздумья времени не оставалось – волосатый урод пока не очухался, а я категорически возражал против столь неприятного соседства! Не исключено, что зверь умеет лазить по деревьям, для примитивного животного у него слишком хорошо развиты конечности, напоминает руки приматов – почти настоящая ладонь, только с когтями. Стрелять – никаких сомнений!

В последний момент до меня дошло, что если регулятор мощности «Штерна» будет поставлен на максимум, я спалю не только громкоголосого зубастика, но и ПМК, да и вообще все вокруг в радиусе нескольких метров, не исключено, что и мое дерево загорится! Немедленно переключил в режим «самооборона», что вполне соответствовало требованию момента – я ж тут не межпланетную войну развязывать собираюсь? Именно самооборона и ничего больше! Это всего лишь животное! Обычный зверь!

«Обычные звери такими голосами не воют, – в моей голове саркастично зазвучал голос рационализма. – Хоть режь, это было прямое воздействие на сознание! Нечто гипнотическое...»

Я едва не потерял драгоценные секунды: монстр фыркнул, захрипел, поднял голову – на меня уставились два глаза, сияющих холодным изумрудным огнем, – изготовился, и снова прыгнул. Разряд синей молнии ударил его в грудь, почти сразу под поросшей темным волосом короткой шеей. Хищник взвизгнул, отлетел в сторону, упал на землю, дернулся и сразу затих.

– Кажется, мертв, – сказал Нетико. – Точно, биосканер ПМК это подтверждает. Не вздумай спускаться вниз, его сородичи могут быть неподалеку, хотя прямо сейчас в охраняемом радиусе нет ни единого крупного живого существа... Возможно, я ошибся, и животные охотятся не в группе, а поодиночке. ПМК подберешь утром, до рассвета еще более четырех часов.

– А ты уверен, что к рассвету под деревом не будет сидеть целая стая таких красавчиков и мне всю оставшуюся жизнь придется провести на ветках?

– Судя по морфологическим признакам, это ночной хищник.

– Значит, есть и дневные!

– Это ничего не меняет. Отдыхай.

Нетико было легко говорить – «отдыхай». Искусственному разуму не угрожала опасность быть сожранным живьем каким-то волком-мутантом – пытаясь задремать, я еще несколько раз слышал отдаленный вой и еще какие-то странные звуки, не то хохот, не то плач, потом тихий свист более чем похожий на загадочную мелодию. Здешний лес с каждой минутой нравился мне все меньше, а воображение рисовало самые невероятные и устрашающие картины – я никак не мог поверить, что *такие причитания* могли издавать обычные животные, чересчур осмысленно они звучали. Кто знает, вдруг на этой планете обитают не только люди, но и другие разумные существа?..

Заснуть все-таки удалось, снов я не запомнил, но точно знал – это кошмары. Проснулся оттого, что прямо в глаза бил яркий и теплый луч восходящего солнца, прорвавшийся сквозь густую листву. Над землей висел легкий туман, было прохладно и сыро.

– С добрым утром, – Нетико заметил, как я пошевелился. – Можешь спускаться, разомнись. В округе безопасно.

– Точно?

– Не придирайся к словам. Заодно можешь взглянуть на зверя при свете дня – я не могу его рассмотреть, трава мешает. Давай-давай, хватит валяться!

Руки-ноги порядочно затекли, спина побаливала – все-таки я спал не в уютной постели, а на жесткой и неровной ветке. Я осторожно спустился по стволу, едва не упал – нога соскользнула с влажной от росы коры. Прошелся, забрал ПМК и закрепил его на привычном месте, после чего направился к трупам хищника – изучить представителя местной фауны во всех подробностях.

– М-мать... – я шарахнулся в сторону так, будто увидел здоровенную ядовитую змею. – Нетико!!

– Я вижу, – хмуро буркнул ИР. – Только не требуй объяснений, их не будет.

У моих ног лежало человеческое тело. Обнаженный мужчина среднего возраста, лет, наверное, сорок. Темная борода, узловатые руки, небрежно обрезанные каштановые волосы.

Над грудиной – темный след плазменного разряда и запекшаяся коричневая кровь. По коже уже поползли синеватые трупные пятна. Приоткрытые глаза подернуты белесой пленкой.

– Мистика, – только и сказал я. – Это что, был переодетый человек? Но зачем...

– Не говори глупостей, – оборвал меня Нетико. – Тебе продемонстрировать запись? Я фиксировал изображение до того момента, как ты его убил, к счастью, ПМК упал панелью фотосенсоров вверх. О спектакле с переодеваниями и речи быть не может – кто в таком случае забрал его карнавальный костюм?

– Хорошо, тогда каким образом животное с клыками в мой палец длиной, могло превратиться в человека?

– Обследуй его рот, вдруг...

– Чего?? Рехнулся? Даже не думай! Я и близко к покойнику не подойду!

– Ладно, не надо. В моей базе данных нет информации о способности обычных человеческих – да и любых других – тканей к подобным метаморфозам. Это невозможно ни практически, ни в теории.

– По-моему, отсюда надо побыстрее убираться. У меня очень нехорошее предчувствие. Если всему происшедшему нет никаких объяснений – ну и не надо! Я скоро с ума сойду от здешних чудес!

– Чудес? Полагаю, мы не видели и тысячной доли... – ответил ИР. – Действуем по исходному плану, идем на юго-восток. Только не по дороге, а вдоль нее. Во избежание неожиданных и неприятных встреч.

– Что может быть неприятнее вот... Вот этого? – я подавил незнамо откуда взявшееся скверное желание толкнуть труп носком ботинка. – Хорошее начало – в первый же день убили человека!

– Я не уверен, что перед тобой именно человек.

– А кто тогда?

– Понятия не имею. Абсолютное внешнее сходство с представителем вашего биологического вида еще ничего не доказывает. Производимых в Содружестве андроидов тоже не отличишь от людей.

– Андроид? Не похоже. Кровь выглядит настоящей.

– Ты долго будешь причитать? Хватит! Если ничего не случится и ты не станешь слишком часто отдыхать, во второй половине дня мы выйдем к людям.

– К людям? Или таким... существам?

– Постарайся не паниковать. До добра это не доведет.

* * *

За первый час путешествия я отчасти успокоился. По дороге не встретилось ничего необычного или угрожающего, дорога извивалась меж невысоких холмиков, в лесу никто не выл, не орал и не ухал. Птиц и животных я видел всего три раза – обычная серенькая пташка с зеленым хвостиком, такие живут на большинстве заселенных людьми планет, непонятный бурый зверек, смахивающий на миниатюрного медвежонка и самый настоящий кролик. Именно появление кролика, выскочившего у меня из-под ног, окончательно убедило: цивилизация этого отдаленного мира, несомненно, связана с Землей – они реконструировали или восстановили по биологическим образцам фауну погибшей столетия назад прародины. Но как все-таки люди здесь оказались? Самая реалистичная версия оставалась неизменной: авария подобная той, что постигла «Эквилибрум». Корабль просто выскочил из пространства Лабиринта в универсальной точке выхода. Всего-то и делов, как говорится.

Нетико был осторожен в оценках, хотя и признавал, что моя убежденность имеет под собой веские основания. ИР предпочитал «собрать побольше информации» и уже потом делать выводы. Спешить пока не стоит.

Путь внезапно преградила речка – прозрачная, мелководная и неширокая, шагов десять от берега до берега. Моста предусмотрено не было, проложившие дорогу люди наверняка преодолевали ее вброд.

– Природа здесь сказочная, – сказал я, остановившись. – Жаль искупаться нельзя, речушка-то едва по колено.

Пейзаж и впрямь был замечательный: белый кварцевый песок, валуны, заводь поодаль украшена крупными желтыми цветами, окруженными плавающими на воде овальными листьями. Лес за речкой, однако, был совсем другим – папоротники и лиственные деревья исчезли, их сменили вымахавшие на полтора десятка метров в высоту гиганты с темно-зеленой хвоей, корявый кустарник с крошечными, с ноготок, листиками и синими ягодами, залежи бурелома и выющиеся на ветру клочья не то паутины, не то колоний микроорганизмов. Мрачно-новатое зрелище.

– Неопознанная воздушная цель справа, шестнадцать градусов, – Нетико отвлек меня от созерцания пейзажа тревожной скороговоркой. – Повернись, у меня нет визуального контакта!

На слова «воздушная цель» я едва не среагировал в старой доброй армейской традиции – благодаря вчерашней атаке на челнок и после такого предупреждения следовало падать носом в землю и ползти в ближайшее укрытие, вот хотя бы под ту корягу... Я машинально развернулся, взглянул и застыл, раскрыв рот.

Сомнений в том, что «цель» умела летать не было: над речкой медленно плыло буропесочное сферическое нечто диаметром в метр или около того. Техническое устройство или искусственный летательный аппарат оно напоминало меньше всего. Нетико это мигом подтвердил, определив:

– Живое существо...

Означенное существо перемещалось на высоте человеческого роста, летело неторопливо, будто воздушный шарик в безветренную погоду, точно следуя вдоль русла и не приближаясь к берегам. Я старался не двигаться – кто знает, что можно ожидать от этого пузыря? По ближайшему рассмотрению оказалось, что непонятная тварь больше всего напоминает кожаный мешок: шкура в складках, полно бугорков и наростов, среди которых выделяются три наиболее крупных, заканчивающихся пунцовыми «глазками». Все правильно, это на самом деле глаза! Темный зрачок-то отлично заметен!

Заметив меня, летучее диво остановилось, на неровной поверхности сферы образовалась длинная трещина, и я с легким ужасом понял, что это был рот, за которым скрывались одинаковые треугольные зубы, смыкавшиеся друг с другом, словно зубчики шестеренки. Под щелью затрепетали и вытянулись вперед тоненькие отростки-тентакли, меня словно бы обнюхивали, изучали...

Несколько секунд спустя пузырь потерял интерес к человеку, преспокойно отправился дальше вниз по течению речки и вскоре исчез из виду.

– Зубищи видел? – выдохнув, спросил я у Нетико.

– Видел, неприятно. Интересно, как оно летает?..

– По-моему, пора заводить реестр вопросов, на которые заведомо нет ответов. Признаться, мне стало не по себе.

– Привыкай. Кстати, можешь умыться и наполнить пустую бутылочку, неизвестно когда мы снова встретим реку или родник. Только для начала положи ПМК в воду, хочу сделать анализ.

Вскоре Нетико сообщил, что вода самая обычная, никаких отравляющих веществ, тяжелых металлов или радиоактивных элементов. Присутствует некоторое количество микроорганизмов и простейших, но они безопасны. Следовательно, мыться и пить воду можно.

Я устроил привал на сорок минут, поплескался на мелководье, поднимая фонтан брызг, понаблюдал за еще двумя летающими кожаными мешками (эти вообще не обратили на меня внимания) и заключил, что странные животные предпочитают порхать исключительно над речкой. Нетико тотчас сделал вывод, что пузыри или охотятся на рыбу (хотя рыбы в реке я не заметил), или...

– ...Или это охрана района крепости, – предположил ИР. – Искусственно выведенные живые существа, предназначенные для наблюдения за территорией и устрашения, а возможно, и уничтожения непрошенных гостей.

– Да? Но в таком случае почему пузыри не напали на меня?

– Ты шел *оттуда*, а не туда, – с невозможной логичностью ответил Нетико. – Не вздрагивай, это всего лишь гипотезы и допущения. Между прочим, звезда окажется в зените – то есть наступит полдень, – через два часа семнадцать минут. А мы не преодолели и десятой части пути.

Я оделся, совершенно по родственному похлопал по корпусу ПМК, будто желая поощрить верного помощника и запыргал по камушкам, форсируя речку. Не додумался, что можно просто подвернуть штаны, взять в руки ботинки и перейти поток вброд.

* * *

Чашобы за рекой производили не самое лучшее впечатление. Во-первых, идти вдоль дороги на расстоянии трех-пяти метров от нее стало почти невозможно – много поваленных стволов и упавших на землю сухих веток, встречаются заросли трубочников, от которых исходит дурманящий сладковатый запах. Великое множество разноцветных грибов, деревья покрыты пятнами лишайника и растениями-паразитами. Воздух затхлый и застоявшийся, постоянно слышен скрип и шелчки – вроде бы обычные лесные звуки, сейчас кажущиеся неприятными и опасными.

На куртку налипла паутина вперемешку с мелким мусором, мне надоело ежеминутно запинаться и я решил, что не будет ничего страшного, если дальнейший путь пройдет по дороге, а не по бурелому. Меньше риск переломать ноги.

На этом участке тракт выглядел неухоженным и заброшенным, колея поросла травой, но завалов не было – за дорогой кто-то прислеживал и убирал рухнувшие деревья, некоторые бревна, валявшиеся у обочины, оказались *распилены*, я нарочно посмотрел. Выходит, цивилизация добралась и до этого захолустья...

– Gib mir die Мьnze!

Требовательный голосок раздался по левую руку, я споткнулся, чуть не упал от неожиданности и автоматически потянулся за пистолетом. Нетико издал звук, похожий на изумленное «ох». Говорили на немецком языке с непередаваемо архаичным произношением и прищипыванием, словно мелких камушков в рот набрав.

Это был кто угодно, но только не человек. Крошечное, с локоть, живое существо сидело на высокой кочке у края дороги и сверлило меня взглядом маленьких карих глазок.

– Дай монетку, – повторил карлик. Я его отлично понимал, несмотря на странный выговор, русский и немецкий языки в Содружестве знают все и каждый. – Дашь – скажу, как обойти ловушку хёхлиха.

– Хёхлих? – я был настолько потрясен, что вступил в абсурдный разговор, не задумываясь. – Это что такое?

– Не что, а кто, – насупившись, сказал малыш и умолк. Других объяснений не последовало.

– Приблизительный перевод – «пещерник», – встрял Нетико. – Тот, кто живет в пещере.

Пауза затянулась. Прямо передо мной находился персонаж древней сказки: лесовик лесовиком. Ростом мне по колено, морщинистое личико, серая бородка, облачен в сотканное из тонкой соломки немислимое одеяние, на голове зеленая шапочка, в правой ручке ветка, играющая роль посоха. Он весьма походил на обычных людей, но тем не менее у меня появилось твердое мнение о *не-человеческом* происхождении недомерка. Вовсе не из-за его невеликих размеров – чуждость угадывалась сразу, ощущалась на подсознательном уровне. Резкого отторжения лесовичок не вызывал, однако я никак не мог заставить себя уверовать в наше с ним родство, даже крайне отдаленное. Может быть, это и есть представитель цивилизации, зародившейся непосредственно на этой планете? Почему тогда он разговаривает на хорошо знакомом мне языке? Или аборигены постоянно общаются с людьми? Наверняка так и есть, меня лесовик ничуть не боится, а следовательно, раньше встречал человека и не считает его опасным!

Вихрь подобных мыслей пронесся в моей голове за считанные мгновения, но понимания происходящего не добавил. Скажите, зачем карлику монетка? Тем более, что денег у меня нет, все расчеты в развитых мирах Содружества осуществляются без использования наличных, окончательно вымерших столетия назад...

– Дай ему что-нибудь, – прошипел Нетико по-русски. – Кретин, это ведь первый прямой контакт с разумным существом!

Я порылся в карманах, где завалилось немного мелких вещей. Два сменных чипа для имплантов, лазерное перо, идентификационная карточка станции «Хаген», складной нож – инструмент примитивный, но всегда необходимый... Есть!

Круглый сувенирный брелок с цепочкой мне достался на Сириус-Центре, в качестве бесплатного приложения к грузу от фирмы «Алкетт», производившей терраформационную технику. Подарили в офисе после заключения контракта на перевозку контейнеров с оборудованием в миры Протектората. Блестящий золотистый медальон с эмблемой в виде грифона подойдет как нельзя лучше!

– Возьми, – я протянул брелок лешаку. Тот вытянул ручку с миниатюрными пальчиками, принял безделушку, спрятал ее в складку соломенного одеяния и выкроил на физиономии некое подобие довольной улыбки.

– Хочешь вернуться домой целым, по дороге не иди, – пропищал карлик. – Дальше – плохо, много злого. Хёхлих, Конь-брехун, кровососы, плакальщики... Их много, разных. Убьют.

– Почему? – недоумевающе выдавил я, сосредоточившись на ключевом слове «убьют» и почти не обратив внимания на диковинных «плакальщиков» и прочей нечисти.

– Таким, как ты, нельзя тут появляться, – категорично заявил лесовик. – Только вашим неживым слугам. Разве не знаешь? Это все знают.

– Неживые слуги? – повторил я, тщетно пытаюсь догадаться, что бы это значило. – Хорошо, куда нужно идти?

– В сторону восхода, – малыш кивнул на восток, в лес. – Обходи ямины с водой, голоса не слушай, на красное не смотри. Поспешешь – к вечеру выберешься. Пока.

Карлик соскользнул с кочки и, не оборачиваясь, заковылял прочь, к лесу. Я утер рукавом взмокшее лицо.

– Мнения, соображения, версии? – подал голос Нетико. Я лишь выматерился. – Давай обойдемся без непереводаемых идиом. Высказывайся.

– По моему, это... этот... антропоморф нес полнейшую чепуху.

– Антропоморф? Изящное определение. Задумайся: мы встретили аборигена, обладающего разумом, сходным с нашим, он предупредил о вероятной угрозе и вел себя доброжелательно. Рациональный вывод: его стоит послушаться.

– Чего послушаться? «Не смотреть на красное»? Я вижу кругом только зеленое, бурое и серое!

– Полагаю, в лесу можно встретить окрашенный в красный цвет живой или неживой объект, представляющий угрозу для человека, – сказал Нетико. – Отбрось эмоции и сомнения: это существо являлось очень маленьким и выглядело неспособным к обороне против более крупных и сильных хищников наподобие того, что напал на тебя ночью. Для выживания ему необходим комплекс знаний обо всех опасностях, подстерегающих в ареале обитания...

– Проще говорить не можешь? – поморщился я, усаживаясь на бревно и переводя дух.

– Могу, конечно. Если такой малыш не будет осторожен и внимателен, его убьют и съедят – на заре вашей цивилизации у людей тоже были естественные враги, хищники других биологических видов. Антропоморф не показался мне вершиной разумности, вел себя, как ребенок – отрывистая речь, упрощенные мотивации... Следовательно, спасти от недругов его могут только хитрость, скрытность и точное представление о том, чего следует избегать. Теперь понял?

– Хорошо, допустим. Но почему ты относишься к нему, будто к животному?

– Да потому, что законы природы, пищевые цепочки и схемы охотник-жертва неизменны во всех мирах, где углеродная жизнь развивалась по типу «Дарвин»! Ты тоже животное, но разумное. Участник трофической сети, который может стать жертвой гетеротрофа второго-третьего порядков!

– Чего? Ты опять?

– Тебя могут запросто сожрать. Так доступнее?

– Более чем. Значит, послушаемся доброго карлика и пойдем точно на восток?

– Мы ничего не знаем про экосистему этой планеты, за исключением одного факта: ее обитатели обладают странными, практически невероятными свойствами, не наблюдающимися ни у одного известного на сегодняшний день живого организма. Достаточно вспомнить оборотня и летучего пузыря.

– Оборотня? – я призадумался. – Очень точное определение. Но ведь оборотни бывают только в сказках!

– Правильно. А кожаный мешок с тремя глазами и зубастым ртом не может летать. К истории с карликом объяснение подобрать проще: предположим, что это деградировавшая ветвь человеческого рода. Пример реэволюции или мутаций.

– Ох, чует мое сердце – мы влипли! Так влипли, что...

– Не причитай, не поможет. Я помогу держать точное направление, считай, что я у тебя штатный штурман. Остальные правила запомнил?

– Идти быстро, не приближаться к водоемам и объектам красного цвета, на странные голоса внимания не обращать, смотреть в оба глаза! – отчеканил я.

– Молодец. Значительно лучше!

Оказалось, что завалы и бурелом находились только возле дороги, с которой я повернул налево, в гущу леса. Десять минут пришлось петлять вокруг настоящих баррикад из трухлявых бревен и участков непроходимого подлеска, затем двигаться стало значительно легче, появились небольшие открытые лужайки, на одной из которых росли красные цветы – я послушно обошел поляну стороной, хотя никакой угрозы не чувствовал. Нетико заявил, что пыльца цветов может оказаться ядовитой, отсюда и предупреждение карлика. Становилось жарко и душно, ветра совсем не было, царившая вокруг тишина угнетала – ни тебе поющих птиц, ни жужжащих насекомых...

Впрочем, с насекомыми – точнее, с членистоногими, – я столкнулся почти сразу. Краем глаза заметив движение, я обернулся и узрел паука невообразимых размеров, медленно ползущего вверх по стволу дерева. Черный, как смоль, паучина с напоминающим человеческий череп белым рисунком на брюшке, по счастью, не обратил на меня никакого внимания, а я постарался как можно быстрее исчезнуть – каждая лапа паука была длиной в метр, не меньше. Нетико не преминул заметить, что такой монстр вполне способен разделаться с крупным млекопитающим и если пауков-переростков в лесу много, то смотреть надо не в оба глаза, а во все восемь. Я счел каламбур неудачным, а искусственный разум перенастроил сенсоры ПМК на обнаружение любых форм жизни, крупнее полевой мыши, – нашим главным приоритетом стала осторожность помноженная на внимательность!

«Воронку», наполненную мутной зеленоватой водой, я обнаружил на седьмом километре пути – вышел напрямиком на берег идеально круглого озерца, со всех сторон окруженного лесом. По гладкой поверхности плавали клочья тины, у берега валялись полусгнившие ветки, неприятно пахло разложением и прелой травой.

– Назад, – скомандовал Нетико. – Причем быстро! Детектор движения регистрирует множественные сигналы...

Привыкнув к тому, что ИР зря страшать не будет, я попятился и рванул прочь. Очень вовремя, надо сказать.

Шшук, шшук, шшук... С этим противным звуком из глубин ямины вылетели полупрозрачные нити с неким подобием небольшого гарпуна на оконечье, два острия вонзились в толстый ствол совсем рядом с моим плечом, породив фонтан щепок. Я инстинктивно упал на четвереньки и пополз в сторону – ход был достаточно разумный, поскольку «гарпуны» целили в туловище и голову. Лишь метров через пятьдесят Нетико призвал меня остановиться – опасность миновала.

Поверхность озера бурлила, я это отлично видел в просвет между деревьями. Первое впечатление – садок со змеями или взбесившийся спрут. Множество беспорядочно извивающихся скользких шупалец, на конце каждого – шарообразное утолщение, из которого и выбрасывались стекловидные тросики с зазубренным гарпуном...

– Вот это – совершенно точно эндемичный вид, – тоном знатока ксенобиологии сказал Нетико. – Аналогов в мирах Содружества нет. Сделай описание, и можешь смело рассчитывать на премию от комитета Сената по исследованиям чужой жизни.

– Катись ты знаешь куда? – пролепетал я, наблюдая, как поверхность вскипевшего водоема успокаивается. – Встречу карлика в следующий раз, скажу спасибо и подарю сотню брелков. Уберег...

– Видишь, а ты не хотел верить! По моим оценкам, масса озерного обитателя приближается к тонне, очень крупное животное, которое вдобавок способно отлично маскироваться – я сумел зарегистрировать его присутствие, только когда монстр начал двигаться и изготовился к атаке. Нам повезло.

– Не нам, а мне.

– Нам. Если бы зверь утащил тебя в озеро, ПМК тоже оказался бы в его желудке... Если ты полагаешь, что мне нравится перспектива провести вечность в брюхе какого-то болотного ксеноморфа, то глубоко ошибаешься.

– Эгоистичная скотина!

– Никаких возражений. Эгоизм присущ всем разумным существам. Поднимайся, надо идти дальше. Необходимо как можно быстрее покинуть опасную зону. Помнишь слова карлика – «таким как ты, нельзя тут появляться»? Я убежден: территория вокруг крепости недаром обнесена сетью ловушек и насыщена странными хищниками – те ребята, которые выслали штурмовики и уничтожили наш челнок, имеют серьезные основания что-то скрывать.

– Искусственная экосфера? Ты это хочешь сказать?

– Не знаю... Дело в том, что очень крупный хищник наподобие урота из озера, должен быть хищником активным – то есть передвигаться, искать жертв, охотиться. В противном случае, он умрет от голода. А этот – сидит и ждет, пока к его обиталищу кто-либо приблизится. Вспомни, мы не встречали в лесу большого количества животных, которые могут служить ему пищей. Ненормальное поведение. Скорее всего это страж, охранник, уничтожающий искателей приключений, осмелившихся проникнуть в запретный район. Обычно он спит, но едва к озеру подходит человек – мгновенно просыпается. Остальное ты видел.

– Только не говори, что это искусственно выведенный организм! Кому нужно создавать таких чудовищ, вместо того чтобы пользоваться простенькой и безотказной оборонительной техникой?

– Повторяю для глухих: не знаю. Лишь выстраиваю приемлемую теорию. Пошли, только время теряем.

Если для Нетико понятие «время» являлось абстракцией – искусственный разум бессмертен, информационный пакет ИР будет существовать до тех пор, пока невредим носитель, на который он записан, – то с человеком все гораздо сложнее. Люди имеют неприятное свойство уставать, им хочется пить и есть, они страдают от жары и могут натереть ноги. Я с ранней юности не преодолевал такие большие расстояния пешком – к шести вечера я протопал больше тридцати километров и окончательно выдохся. На пути попало еще несколько «воронок» (я благоразумно обходил их стороной), дважды слышались «голоса» – тихое жалобное лепетание на незнакомом языке, похожее на призыв о помощи. Нетико сразу определил, что мне ничего не чудилось – никаких галлюцинаций, ИР тоже фиксировал звуковые волны и определил местонахождение их источника. Дешифровать сигнал не получилось, однако Нетико пока не терял надежды. Я предпочел никуда не сворачивать и любопытства не проявлять – после приключения у озера слова лесовичка уже не казались чепухой. Предупрежден – значит вооружен.

Солнце клонилось к закату, когда лес внезапно расступился – я выбрался на опушку и увидел зеленую холмистую равнину с рошицами и перелесками, отдаленной горной грядой на юге и... И настоящими обработанными полями вдаль, полями, разделенными на квадраты хлипкими изгородями из деревянных жердей.

– По-моему, пришли, – убежденно сказал Нетико. – Больше того, мы здесь не одни. Взгляни правее, расстояние – семьсот сорок шесть метров, там человек...

– Где? – я приставил ладонь ко лбу и прищурился. – Далековато, тебе не кажется? У меня нет настолько чувствительных сенсоров.

– Поставил бы имплант, – ответил искусственный разум. – Стоит дешево, а польза колоссальная. Предпочтешь спрятаться или пойдешь знакомиться?

– Спрятаться? – я с неприязнью покосился на возвышавшуюся позади темную стену негостеприимного леса. – Откровенно говоря, надоело... Я устал, хочу поесть – не таблеток, а нормальной человеческой пищи! – и скоро попросту засну на ходу! Рискнем?

– Рискни.

– Ну ты и зануда...

Глава третья

ПАРЕНЬ ИЗ ПРОВИНЦИИ

Меркуриум, Готия.

13–14 июля 3273 г. по РХ

Древний как мир закон гласит: черная полоса в вашей жизни в один прекрасный момент однажды сменится на белую и все будет отлично. Разумеется, до поры до времени...

Я был счастлив увидеть настоящего живого человека – учитывая невероятные события последних двух суток и безумные впечатления от нового мира, потрясшего как меня, так и Нетико очевидными и пугающими несуразницами, нелепостями и фантастическими тварями, отыскать себе подобного казалось делом почти нереальным. Только бы он не оказался «оборотнем», как тот, возле крепости!

Очередные вопросы, ответить на которые было пока невозможно, появились незамедлительно, едва я приблизился к незнакомцу на расстояние, достаточное для того, чтобы разглядеть человека во всех подробностях. На меня он бросил лишь мимолетный взгляд, отчего-то поморщился и продолжил... Продолжил заниматься своим делом, да так увлеченно, что меня чуть было не вывернуло.

Мизансцена выглядела вполне в духе этой диковинной планеты: грубо обработанный гранитный обелиск с выбитым латинским числом LXXVII, рядом небольшой квадратный бревенчатый сруб с воротом и простеньким двускатным покровом из досок – колодец, никаких сомнений. У нас на Аврелии люди с достатком ценят «земной» ретростиль, и колодец при загородном доме вещь вполне обыденная. Только шахты в основном бетонные, а не деревянные.

– Шел бы ты отсюда, приятель, – громко и отчетливо сказал человек, не оборачиваясь. Говорил, как и приснопамятный карлик, на немецком языке, с жутким акцентом и употребляя архаизмы, которые я не сразу понимал. – Дело к вечеру, а лес рядом...

В правой руке он держал внушительный изогнутый нож, которым только что вскрыл грудную клетку отвратительно выглядевшего существа с лысой головой, тонкими, почти прозрачными ушами, коротенькими задними лапками и кожистыми крыльями. Сухая земля возле колодца была залита коричневой, почти черной кровью, в левой глазнице дохлой твари торчала металлическая стрела-болт. Хрустнули обнажившиеся ребра, незнакомец сделал еще несколько быстрых кромсающе-режущих движений, отбросил кинжал, вытащил из туловища крылатого страшилища вздрагивающий темный комок и пронзил его выхваченным из-за голенища сапога острым штырем.

– Все, без сердца ему не ожить, – спокойным голосом произнес мужчина. Создавалось впечатление, что он занимался подобными вивисекциями по несколько раз на дню. – Чего стоишь? Лучше набери воды и плесни мне на руки! Изгадился по уши, противно...

ПМК на моем плече дернулся – Нетико предпочитал временно помолчать, но вполне красноречиво давал понять: если просят, помощи.

Бадья оказалась деревянной, потемневшей от влажности и времени. Цепь ржавая, звенья грубые, ворот скрипучий и разболтанный – за колодцем плохо следят. Вода, однако, прозрачная и холоднющая. Человек оттер ладони от крови с помощью пучка травы, с сожалением посмотрел на испачканные рукава кожаной рубахи со шнуровкой на боках и груди, фыркая и сплевывая умыл лицо, после чего выпрямился и наконец-то удостоил меня холодно-оценивающим взглядом.

Молод, наверное, мой ровесник, по крайней мере, не старше двадцати пяти лет. Выше меня на полголовы и куда шире – здоровяк каких поискать, под тонкой кожей длинной рубахи хорошо заметны круглые мощные мышцы. Заплетенные в толстую косичку на затылке волосы

светло-русые, борода от уха до уха совсем светлая, соломенная. Глаза меняют цвет в зависимости от освещения – в тени зеленые, под солнцем серые. На лбу и виске справа некрасивый белый шрам от рваной раны. В общем, мужик смотрится довольно эпически, особенно если учитывать его одежду, широкий пояс, увешанный железяками неясного предназначения и ножны для кинжала.

Поначалу суровое, недоверчивое и почти неприязненное выражение на его лице внезапно сменилось удивлением, светлые брови поползли вверх, а затем последовало заявление, которого я уж никак не ожидал:

– Вы, сударь, обнаглели до предела. Но это вызывает невольное уважение, тут не поспоришь. Мы, конечно, лично не знакомы, однако наслышан, премного наслышан...

– О чем? – бестолково спросил я, решительно не понимая, каким образом *здесь* обо мне могут быть наслышаны.

– Сколько лет минуло? – как ни в чем ни бывало продолжал бородатый, осматривая меня со все большим интересом. – Сто двадцать четыре стандартных, или я путаю? Нет, ну надо же, явиться при полном параде, с запретным гербом!

– Гербом? – снова заикнулся я.

– Вот это что такое? – он ткнул пальцем в мою курточку пилота. Над левым нагрудным карманом был вышит опознавательный знак «Эквилибрума», силуэт белой акулы в синем поле, этот знак еще мой отец придумал в качестве эмблемы фирмы. – Правильно, родовой герб фон Визмаров, вычеркнутый геральдической коллегией из реестра и преданный забвению. Никто, однако, ничего не забыл, я в том числе. Хотя и родился после вашего ухода с Меркуриума. Вы, сударь, тот самый Риттер фон Визмар, или наследник?

– Меня зовут... – я на мгновение задумался, соображая, как произнести имя «Степан» так, чтобы было понятно туземцу. – Стефан. Устроит?

– Верный ваш вассал, – русоволосый крепыш приложил к груди широкую ладонь и чуть поклонился. – Зигвальд Герлиц из Герлица, но мне будет приятнее, если вы будете именовать меня по прозвищу – Жучок. Как вы здесь оказались? Ближайшая действующая точка перехода в девяносто с лишком милях к северу!

Я в очередной раз оказался в логическом тупике. Какой, на хрен, «запретный герб»? Почему этот верзила употребляет древние и давно вышедшие из повседневного обихода слова наподобие «вассал» или «забвение» – ими сейчас пользуются только историки, писатели да сценаристы голопъес?! И в то же время сыплет вполне современной терминологией – одна «точка перехода» чего стоит, а понятие о «стандартном» летоисчислении свидетельствует о родственности цивилизаций не менее, чем один из официальных и общепринятых языков Содружества!

– Как оказался? – я решил ответить на самый простой вопрос и махнул рукой в сторону леса: – Оттуда пришел.

– Ого! – Зигвальд по прозвищу Жучок присвистнул и взъерошил густую шевелюру. – Не слышал, чтобы выход из Лабиринта (я вновь отметил знакомое слово) находился возле Третьей Крепости. И что же, прошли по лесу невозбранно?

– Невозбра... Гм... Прошел, как сумел.

– Значит, правду о вашем семействе говорят – везучие безумцы. Прошу простить, если позволил себе дерзость, однако на моей памяти из леса вокруг Третьей Крепости живым еще никто не выходил. Ни благородные, ни простецы.

Голова у меня пошла кругом – во-первых, я с трудом понимал смысл архаизмов, во-вторых, этот человек явно меня с кем-то путал и одновременно полагал, что я разбираюсь в тонкостях здешнего бытия ничуть не меньше, чем он сам. Особое изумление вызвала неправдоподобная дата: «сто двадцать четыре стандартных года» – столько люди не живут. Название «Меркуриум» мне тоже ни о чем не говорило: в Солнечной системе есть планета Меркурий, но

там уже четыре столетия никто не бывал, сразу после Катастрофы район Земли был объявлен запретным для любых пилотируемых полетов, блокаду не снимают до сих пор...

– Это что такое? – требовалось поддерживать разговор и я указал на разъятое тело крылатого уродца. – Как называется? Хищник?

– Упырь это, – потряс меня Зигвальд. – Скоты, теперь и днем вылезают... Что-то неправильное происходит на Меркуриуме, ваша светлость, с каждым годом только хуже. Надолго вернулись?

– Боюсь, навсегда, – мрачно ответил я. – Почему ты назвал себя моим «вассалом»?

– Как – почему? – Настало время удивляться Жучку. – Герлиц входит в домен Визмаров, присягу никто не отменял, хотя управление над землями после изгнания перешло к королю.

Вот так, ни больше ни меньше – к королю. Я не ослышался, Зигвальд произнес именно это слово: Koenig. Господи, куда я попал? Попомнишь тут недавнюю версию о «параллельных реальностях», как бы не высмеивал ее Нетико.

ИР, кстати, помалкивал, словно трафика в рот набрав – никак не показывал своего присутствия и предоставил право вести переговоры с туземцами мне самому. Может, оно и к лучшему – неизвестно, как отреагирует мой новый приятель на говорящую коробочку!

И вновь я оказался в дураках:

– Одеты не по-нашему, сложная техника, – задумчиво сказал Зигвальд, указывая взглядом на ПМК. – Если вернулись навсегда, пора вспоминать традиции родины предков, ваша светлость. Родились небось – там?

Он указал вытянутым пальцем на синеющие небеса.

– Там, – кивнул я, совершенно не покривив душой. Сам того не желая, Зигвальд дал мне понять, что путешествия в космосе здесь не являются чем-то фантастическим. Интересно, очень интересно! – Слушай... Я целый день шел по этому проклятому лесу, вымотался, ничего не ел и сбил пятку на ногу, больно. Тут где-нибудь переночевать можно? Кроме того, хватит обращаться ко мне на «вы», будем проще, хорошо?

– Как будет угодно, сударь. Только... Только надо бы прибраться. Нехорошо упыря так оставлять, придется сжечь.

– Командуй, – вздохнул я. – Дров собрать?

– Незачем. Оттащим в сторону от колодца, подальше, у меня все с собой... Амулет заметил? – Жучок вытащил из-за ворота рубахи медальон светлого металла в виде скачущей лошадки посреди украшенного угловатыми символами кольца. – Я третий сын, особая честь – Стража Крепостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.